

Детектив Юлия Земцова

Анна Данилова

Парик для дамы пик

«Автор»

Данилова А.

Парик для дамы пик / А. Данилова — «Автор», — (Детектив
Юлия Земцова)

Телефонный звонок разорвал тишину спящего дома... Именно так началось новое расследование частного детектива Юлии Земцовой, ставшей теперь полноправной хозяйкой сыскного агентства... В своей постели задушена молодая, красивая и талантливая художница Зоя Пресецкая. Убийца действовал явно не в состоянии аффекта. Зоины роскошные волосы были сострижены, а на голову убитой женщины надет светловолосый парик. А еще через пару дней обнаружили тело Зоиной подруги Ирины. Доказательства того, что эти преступления совершил один и тот же человек, налицо. Все улики указывают на Николая Бобрищева... любовника сразу двух подруг. Но Юля находится в щекотливой ситуации – ведь это именно он нанял Земцову.

© Данилова А.

© Автор

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анна Данилова Парик для дамы пик

Дорогой милый Митес!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое лучшее в жизни!

Учитесь, познавайте и
испытывайте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анне Даниловой (франц.)

Глава 1

Ее разбудил ночной звонок.

– Вы Юлия Земцова?

– Да. Кто это?

– Вы меня не помните, да это и не важно... Понимаете, убили мою лучшую подругу, – услышала она рыдающий женский голос. – Юля, только вы можете помочь.... Вы слышите меня? Почему вы молчите?

– Да, да, я слышу вас... Когда это случилось?

– Не знаю. У нее в квартире сейчас толпа людей, меня не пускают, я ничего не понимаю. Умоляю, пока не поздно и она еще там, приезжайте на улицу Жуковского, 10, может, вам удастся увидеть Зою, прежде чем ее увезут в морг.

– Это принципиально? – Юля никак не могла взять в толк, зачем требуют ее присутствия на месте преступления. Сейчас там наверняка люди из прокуратуры, эксперты. – Как вас зовут?

– Ирина. Ирина Званцева. Говорю же, вы меня не помните. Мы с вами однажды ехали из Москвы в одном купе, но это было больше года назад. Удивительно, что я нашла ваш телефон. Юля, вы еще занимаетесь частным сыском? Вы можете мне найти убийцу Зои?

Монолог строился задом наперед, сказывалось волнение.

Юля понимала, что звонок носит сильную эмоциональную окраску, и вполне вероятно, уже утром Ирина Званцева пожалеет о том, что набрала ее номер. Во-первых, нанять частного детектива стоит немалых денег, а во-вторых, утром Ирина поймет, что подругу все равно не вернуть, так что нужно ли вообще заниматься поисками убийцы? А если эффект и вовсе окажется обратным и выяснится, что убийца – кто-то из близких или знакомых убитой? Больше того, убийцу могут найти уже сегодня, по горячим следам. Такое встречается не так уж редко. Так что для начала надо эту Ирину остудить. Немного успокоить.

Юля вдруг вспомнила ее. Молодая женщина, запутавшаяся в мужьях или любовниках. Помнится, она всю ночь рассказывала в темноте о своих многочисленных связях, словно наговаривала страницы бесконечного и очень печального любовного романа. Когда не видишь собеседника, но чувствуешь его присутствие и слышишь дыхание, наружу рвутся порой такие откровения, в каких стыдно признаться даже себе. Под стук колес люди обмениваются своими тайнами в надежде никогда больше не встретиться друг с другом. Попутчик – как свидетель чего-то постыдного, интимного в твоей жизни. После таких надрывных признаний даже взглянуть ему в глаза при утреннем свете и то покажется пыткой.

– Вы сейчас где?

– На улице, звоню из автомата. Так вы приедете? Приедете? – Чувствовалось, что у нее начинается истерика. – Неужели вы не понимаете, что и это убийство не будет раскрыто, потому что никому ничего не надо... В стране бардак, и никому, вы понимаете, ну абсолютно никому нет дела до молодой женщины, которую удушили ни за что ни про что... Она была такой красивой и жизнерадостной, что не имела права на жизнь? Да?! Но почему? Почему? – и глухие, тяжелые рыдания.

– Хорошо, я сейчас приеду, – вздохнула Юля, прощаясь мысленно с теплой постелью. – Говорите, на Жуковского?

И она вызвала такси.

* * *

Земцова вот уже два месяца жила спокойной, размеренной жизнью, после того как решила организовать собственное детективное агентство.

Деньги, отстегнутые ей с барского плеча обосновавшимся в Париже бывшим возлюбленным Женей Крымовым – шефом существовавшего до этого сыскного агентства («крымовского»), – были распределены таким образом, что часть пошла на капитальный ремонт их сгоревшего офиса, часть – на покрытие расходов, связанных с переоформлением агентства на ее имя, и выплату долгов экспертам и агентам, а остальное – отложено на черный день.

Игорь Шубин – единственный человек, не предавший ее и ставший ее правой рукой, взял на себя все самые нудные организационные вопросы, связанные с ремонтом и устройством нового офиса. Но когда помещение было отремонтировано и теперь уже в Юлином кабинете появились новая мебель и компьютеры, выяснилось, что город успел забыть о существовании сыскного агентства. Все знали, что Крымов в Париже, и потому считали, будто агентства не существует вовсе. «Клиентура – дело наживное», – говорила себе Юля, а в душе радовалась, что у нее появилась возможность отдохнуть и психологически подготовиться к новой роли хозяйки детективного агентства. К тому же погреться на теплом песочке Черного моря укатил Леша Чайкин – судмедэксперт, без которого не могло решиться ни одно серьезное дело. Вот и получилось, что первые осенние месяцы Юля с Шубиным отсыпались каждый в своей квартире, время от времени встречаясь или перезваниваясь и словно готовясь к грядущим большим делам.

Бывший муж Юли Харибин пытался дозвониться из Москвы, но всякий раз, услышав его голос, она бросала трубку. С прошлым решено было покончить навсегда. Впереди была целая жизнь, пьянившая свободой и независимостью. «Ты как маленькая африканская страна, – подшучивал над ней Шубин, – которая мечтает о независимости. Но начинать надо с вывода войск...» Войска... Это он о прежних чувствах. О них можно было только догадываться – Юля так и не поняла, свободно ее сердце от Крымова или нет.

В начале октября появилось несколько незначительных дел, связанных с ревностью. Два раза жены нанимали их с Игорем проследить за мужьями, а два раза – наоборот. И всякий раз за подозрениями скрывались ветвистые рога. Такова была реальная жизнь, и Юля лишний раз убеждала себя в правильности сделанного ею выбора: она должна жить одна, никому верить нельзя.

И вдруг этот звонок. Женщина по имени Зоя оказалась удушенной в своей квартире. Это подтвердил Юле и находящийся на месте преступления следователь прокуратуры Корнилов Виктор Львович. Она связалась с ним до того, как вызвала такси.

– Я подъеду? – спросила она осторожно, еще не понимая, какую роль теперь в ее работе будет играть этот человек. В бытность Крымова за мзду Корнилов информировал их о том, как идет официальное расследование дела. Обмен информацией – это было, пожалуй, самым важным в деле раскрытия преступления. Получалось так, что деньги как смазка приводили в действие, казалось бы, давно заржавевшие рычаги основного механизма некогда отлаженной работы. И эксперты выдавали результат много раньше, нежели официальным путем. Да и агенты, привлеченные реальной возможностью заработать, старались изо всех сил. Эта же схема касалась и других параллельных служб МВД. А вот что теперь делать с Корниловым? Это Крымов ему задолжал деньги, которые они выжали у одного наркоторговца, прежде чем отпустить его на все четыре стороны. На эти доллары и было организовано «крымовское» агентство. Но теперь, когда Крымов пишет криминальные романы, обдумывая сюжеты на скамейке под Эйфелевой башней, как строить ей, Юле Земцовой, свои отношения с Виктором Львовичем?

Об этом и думала Юля, пока такси мчало ее по ночному городу. Водитель явно не любил скорость ниже ста, а потому разогнался предельно, и его машина летела по пустынным улицам как птица. Даже свет фонарей казался размазанным, как желтая масляная или оранжевая краска на синем. А витрины магазинов в центре города воспринимались как декорации к сюрреалистическому фильму.

На Жуковского возле дома номер десять действительно толпился народ. Женщины в ночных рубашках, накинув на себя плащи или пальто, стояли, прижавшись к своим заспанным мужьям, в ожидании увидеть возле машины «Скорой помощи» нечто страшное, кровавое или прикрытое простыней, о чем можно будет рассказывать всю оставшуюся жизнь. Но, судя по «декорациям», выноса тела еще не было. Водитель «Скорой помощи» задумчиво курил в кабине, и по его виду нетрудно было догадаться, что для него это ожидание – лишь возможность немного передохнуть, а то и подремать и что его меньше всего заботит происходящее вокруг. Он почти каждое дежурство сталкивается со смертью и не принимает эту трагическую реальность близко к сердцу, оберегая свою нервную систему.

Черные начальственные «Волги» и «Мерседесы» стояли пустые – их хозяева наверняка пускали дым дорогих сигарет в квартире, где произошло убийство.

Юля поднялась на третий этаж вместе с Корниловым, вышедшим, как оказалось, ее встречать. Неестественно высокий голос его не гармонировал с его мужественной внешностью. Но к этому можно было привыкнуть. Юля ждала от него вопроса, пока они поднимались по лестнице. И дождалась:

– Тебя уже наняли? Поздравляю...

Юля решила промолчать и посмотреть, как дальше будут развиваться их отношения. Виктор Львович человек конкретный, вокруг да около ходить не будет. Потребует процент – придется подчиниться. Иначе у нее не будет доступа к важнейшей информации. Кроме того, что ей нравилось работать параллельно с Корниловым. Но тогда за все платил Крымов. Возможно, за доллары Виктор Львович даже улыбался... Как будет теперь?

Они протиснулись в дверь и оказались в тесном коридорчике с тремя дверями, ведущими в соседние квартиры.

– Нам прямо. – Корнилов вел ее, крепко держа за руку, мимо перепуганных соседей и курящих людей в форме, в квартиру, где витала смерть.

– Зоя Пресецкая. Ты ее знала?

– Нет...

Они вошли в спальню, где на постели, слегка прикрытая простыней, лежала обнаженная красивая молодая женщина. Русые кудри ее рассыпались по подушке. Красные губы делали ее похожей на живую.

– Сказка, а не девушка, – вздохнул Корнилов, словно забыв, кто он и зачем он здесь. – Извини... Так ты ее знаешь?

– Нет, не знаю.

– Тебе кто-то позвонил? – Они разговаривали шепотом. – Как ты узнала?

«Начинается», – подумала Юля.

– Мне позвонила ее подруга, мы с ней едва знакомы. Ехали в одном купе однажды... Но, судя по тому, что я знаю об этой женщине...

– Так ты ее все-таки знаешь? Косвенно? – продолжал допытываться Корнилов.

– Да нет же, – тихо взорвалась Юля. – Я про подругу из поезда... Так вот. У нее нет денег, чтобы нанимать нас.

И тут же пожалела, что сказала «нас». Ведь она-то имела в виду себя и Шубина. А что, если Корнилов поймет все по-другому? Что, если он подумает, будто ничего в его жизни не изменилось и ему по-прежнему будут отстегивать доллары за его же обычную работу?

От этих мыслей ей стало жарко. Но она тут же одернула себя. «Боже, какой цинизм думать сейчас о деньгах, когда убита женщина. Молодая, красивая».

– Ну все?

– Увидела? Теперь выйдем... Разговор есть.

Юля вышла вслед за Корниловым из квартиры. Виктор Львович закурил.

– Ее удушили. Никто из соседей никого не видел. Говорили, что Зоя жила одна, была разведена и вела довольно спокойный образ жизни.

– Чем занималась? Где работала?

– Долгое время была без работы, потом устроилась в какую-то фирму готовить обеды. Но, насколько я понял, ее взяли без трудовой и платили из кармана...

Она понимала, о чем речь. Людей сейчас берут на работу без документов, платили им «черным налом», чтобы не проводить эти деньги в бухгалтерии и не платить налогов. Хозяевам таких фирм (а их большинство) плевать на то, что у работника не идет стаж и прочее...

– Никто из родственников еще не подъехал?

– Должен приехать бывший муж, но пока мы видели лишь ее знакомую, которая все тут залила слезами.

– Это Ира Званцева, которая и позвонила мне. Но я ее что-то не вижу.

– Земцова, у меня к тебе разговор, – Корнилов глубоко затянулся сигаретой и сощурил глаза. – Крымов бросил меня... Нет-нет, он мне уже ничего не должен, мы с ним квиты... Но мне без него будет трудновато. Хоть он и бездельник, но голова у него светлая. Я вот что хотел тебе предложить...

Юля напряглась, ожидая самого худшего. Неужели ее независимости конец? Тогда она уедет из города, купит дом в деревне и займется выращиванием земляники и откармливанием гусей...

– Пусть будет все как прежде.

– Не поняла.

– Параллельные дела. Ты будешь помогать мне, а я – тебе. Я же тебя знаю, у тебя все получится. Вы с Шубиным делали за Крымова всю черную работу... Ну как, ты согласна?

– Я не уверена, что смогу зарабатывать деньги, как Крымов. Думаю, у меня не получится.

– Я не про деньги. Про взаимопомощь. Если нароешь что – приходи, я тебе, как и прежде, помогать буду...

– Значит, вы не будете с меня брать никаких денег? – Юля набралась решимости и задала этот самый трудный вопрос.

– Земцова, а я-то считал тебя умной... – обиделся Корнилов. – Какие к чертям собачьим деньги, когда я предлагаю тебе сотрудничать?!

– Тогда без вопросов, – успокоилась Юля. – Вы слышите, там какой-то шум... Пойдемте. Может, кто-то пришел?

Из квартиры, куда пару минут тому назад понесли носилки, послышались громкие голоса. Там явно что-то случилось.

Они почти вбежали в ту же спальню и увидели жуткую картину. Теперь тело мертвой девушки лежало не на постели, а наполовину сползло на пол. Но самым невероятным и страшным было то, что девушка была совсем без волос. У нее был голый череп.

– Хотели положить ее на носилки, подняли, а с головы свалился парик... – объяснил кто-то Корнилову. – Санитар испугался и уронил носилки. Его рвет в ванной...

Юля выбежала из квартиры. Ей надо было во что бы то ни стало найти Ирину Званцеву.

Уже на улице, оказавшись среди толпы зевак, она крикнула в ночь: «Ирина!»

И тут ей навстречу вышла худенькая женщина в длинном распахнутом пальто. На голове – съехавший набок черный берет, из-под которого выбиваются рыжеватые волосы. Глаза безумные, полные слез.

- Это ты, Ирина? – Она с трудом узнавала знакомые черты.
- Да, это я. Я не узнала вас.
- Да не «выкай» ты, поехали ко мне... Ты ужасно выглядишь.

И тут Ирина закричала. Мимо несли носилки, на которых лежала Зоя Пресецкая. Остриженная. Белая. Неживая. Простыня коконом лишь от груди оборачивала ее длинное вытянутое тело.

- Она была в парике, – сказала Юля Званцевой. – Твоя подруга носила его постоянно? Но Ира уже не слышала ее. Она мягко опустилась на землю...

* * *

Дома Юля налила ей водки, усадила на диван и укрыла одеялом. Сейчас, глядя на это испуганное насмерть существо с почти черными кругами под глазами, заострившимся носом и растрепанными волосами, трудно было представить себе, что видишь перед собой женщину-вамп, покоровшую или даже разбившую столько мужских сердец. Хотя, как подозревала Юля, это ее сердце, Ирины Званцевой, скорее всего было разбито вдребезги и осквернено ложью, предательством и мужским цинизмом. И сейчас оно изнывало от боли за свою подружку, удушенную неизвестным извергом, который, по мнению Ирины, останется безнаказанным.

- Тебя еще не допрашивали?
- Буду я с ними разговаривать. Нет, не допрашивали. И с какой стати я буду что-то рассказывать о Зое?
- Но мне-то тебе придется рассказать. Или тебе уже не хочется?..
- Да я готова любые деньги заплатить, чтобы только узнать, кто эта сволочь. Ты возьмешься за это? Скажи, возьмешься?
- А у тебя есть деньги? Дело в том, что если я и возьмусь, то буду работать, как ты понимаешь, не одна. У нас агентство, люди... Скажу прямо – это дорого. И гарантий – никаких. Единственно, что я могу тебе гарантировать, это хорошую и качественную работу. То есть сделаю все, что в наших силах, чтобы вычислить и схватить убийцу. Но ты сначала хорошенько подумай, тебе это надо? Ведь Зою все равно не вернуть. А убийца может дышать нам в затылок. Это может быть самый близкий Зоин друг. Любовник. Бывший муж. Жених. Сестра. Подруга. Словом, человек, которого меньше всего подозреваешь.

Юля перевела дух. Ну вот, она все и сказала.

- Деньги... Вообще-то я надеялась попросить их у ее бывшего мужа, Сашки. Он хороший парень, и деньги у него есть. Я почему-то уверена, что он оплатит все твои расходы.
- Он еще ничего не знает?
- Нет. Я пыталась ему позвониться, но у него никто не берет трубку.
- Попробуй еще раз... – Юля протянула ей трубку. – Звони. Пусть приедет.

Но Александра Пресецкого, а именно его фамилию носила убитая, дома не оказалось и на этот раз.

- Холодно... И страшно, – прошептала, кутаясь в одеяло, Ирина. Она закусил водку холодной грушей, которую Юля достала из холодильника, и от этого Ирину аж передернуло. – Мне кажется, это сон. Так не бывает.

- Когда ты видела Зою в последний раз?
- Вчера. Мы виделись с ней часто. Почти каждый день. Я знаю о ней все. Даже какого цвета она носила колготки и сколько ложек сахара сыпала в кофе.
- Расскажи мне о ней.
- Зоя... – по щекам Ирины покатились слезы. – Да она была самая красивая и нежная из нас троих.

– Из троих?

– Нас три подруги. Я, Зоя и Женька. Мы всегда вместе. И если Женька бывала с нами не так уж и часто, потому что вечно занята и в бегах, то с Зоей мы практически не расставались.

– Чем занимается Женя и как ее фамилия?

– Евгения Холодкова. Кусочек льда и рассудка. Вот так я бы ее охарактеризовала. Если мы с Зоей вечно в долгах, как в шелках, у нас нет постоянной работы, то у Женьки деньги есть всегда. Пусть небольшие, но верные. Она делает их из воздуха благодаря своим идеям. То газету какую-нибудь издаст по недвижимости, то займется рекламой, то откроет справочное агентство... Даже кинотеатр свой организовала, привозила из Москвы редкие фильмы. А однажды занялась издательским бизнесом, выпустила тиражом около миллиона экземпляров книги по кулинарии и диете и заработала такую кучу денег, что купила сразу несколько квартир в городе. И теперь, когда она начинает какое-нибудь новое дело, ей уже не страшно, что она все потеряет, потому что эти квартиры дают ей постоянный доход. Это, говорит, мои тылы и верный кусок хлеба. Вот такая она, Женька. И если бы не она, нам с Зоей пришлось бы совсем худо.

– Но почему же вы с Зоей не работали вместе с вашей Женькой?

– Как же... не работали. Мы пытались, но у нас ничего не выходило. Зоя-то вообще не от мира сего. Рассеянная очень, постоянно о чем-то думает... Мне не верится, что ее уже нет.

– Ира, что значит «рассеянная» и «постоянно о чем-то думает»? Это в буквальном смысле или же ее поведению есть конкретное объяснение? Какая она была, твоя подруга Зоя?

– Она была человеком, для которого не существует никаких социальных понятий, ни политики, ни законов, ни того, что мы называем порядком в голове и чувствах. Она была очень красивой, нравилась мужчинам и пользовалась их деньгами, чтобы жить самой и помогать нам. Транжирила деньги по-страшному, если уж быть до конца откровенной. Она имела самое смутное представление о ценах на рынке, никогда там не торговалась, и если бы ей сказали, что курица стоит триста рублей, то, не задумываясь, отдала бы эти деньги. Но при этом купила бы, конечно, самую лучшую курицу. И это относилось ко всему. Она не любила дешевые вещи, презирала тех, кто экономит, считая, что нужно жить одним днем. Казалось бы, они с Женькой должны были все время ругаться, но нет... Женька обожает Зою. А ведь она еще ничего не знает... Она сейчас в Москве, приедет на днях... Можно себе представить, какой ее ждет удар...

– Ира. Постарайся успокоиться и взять себя в руки. Давай еще немного поговорим о Зое. В частности, о ее бывшем муже Саше. Кто он? Что за человек? Как они расстались и по какой причине? Он не мог ЭТОГО СДЕЛАТЬ?

– Мог, почему бы и нет, – пожала плечами Ира, словно речь шла о пустяках или о чем-то само собой разумеющемся. – А разошлись они из-за того, что Зоя изменила Саше. Мало того, сама ему об этом и рассказала. У них вообще были довольно странные отношения. Я бы, кстати, не назвала Зою человеком откровенным. У нее было великое множество тайн, которыми она не хотела делиться даже с нами, со своими близкими подругами. Но вот об этой измене рассказала Саше с легкостью.

– Она полюбила другого мужчину?

– Да, Бобрищева она полюбила по-настоящему. Но у них ничего не получилось.

– Почему? И кто такой Бобрищев?

– Мужчина. Ему за пятьдесят, но он очень спортивен, прекрасно выглядит, у него своя фирма по производству безалкогольных напитков. Мы с Женькой думали, что Николай – тот, кто Зое и нужен. Но она почему-то к нему быстро охладела. По ее словам, он был грубоват с ней, ругался матом, не принимал ее увлечений...

– Каких еще увлечений?

– Она рисовала, тратила много денег на краски, холсты и прочее...

– Они расстались?

– Да.

– И давно?

– Еще в прошлом году. Я звонила Саше, просила его навестить Зою, мы с Женькой надеялись, что он вернется к ней. И он бы вернулся, если бы Зоя неожиданно не укатила в Москву. Я, если честно, до сих пор не знаю, что она там делала больше двух недель. И с кем уехала – тоже представления не имею... Вот тебе и Зоя. Как раковина-беззубка. Скрытная.

– Но вернулась одна?

– Да. Одна, но совершенно счастливая. И снова засела за свои холсты, акварели... Она любила рисовать цветы, писала портреты, а потом все это раздаривала своим друзьям и знакомым.

– Так она была художницей?

– Я бы не сказала, что она была настоящей художницей. Просто она делала то, что ей нравилось. Она еще хорошо играла на гитаре и всегда мечтала выступить в ресторане (почему-то именно в синем бархатном платье) и петь свои же песни. Она сочиняла песни, которые могли бы украсить любой концерт.

– А чем она занималась в последнее время? Рисовала и играла на гитаре? На что же она жила?

– Ее взяли в одну фирму готовить обеды. Она же очень хорошо готовила. Но секрет ее кулинарного успеха был хорошо известен...

– И что же это за секрет?

– Хорошие, дорогие продукты, самые свежие... И еще, конечно, талант, чего уж там...

Юля вдруг почувствовала, что Ирина при всей своей искренней любви к подруге позволяла себе иногда раздражаться из-за пристрастия Зои ко всему шикарному и дорогому. И это чуть было не прорвалось и сейчас, когда Ирина слегка коснулась этой темы. Значит, говоря о Зое и прежде, она наверняка высказывалась, причем отрицательно, именно об этом свойстве ее характера. Что ж, и Ирину понять можно. Зоя была настоящей красавицей, что само по себе не могло не вызывать даже у самых близких подруг зависть. А если прибавить к этому снобизм и стремление к роскоши, то еще подумаешь, стоит ли вообще принимать на веру любовь Ирины к Зое. А что если абстрагироваться и представить себе, что Зою убила Ирина? Из-за мужчины или денег?

Но эти дикие мысли как пришли, так и ушли, оставив, однако, в Юлином сознании неприятный осадок.

– Кстати, о продуктах. Хочешь, я сделаю тебе бутерброд?

На кухне, заваривая чай, Юля думала о том, как же несправедливо обошлась с Зоей смерть. Тело женщины, сделавшей красоту смыслом своей жизни, на смертном одре оказалось выставленным напоказ чужим людям, да еще этот неожиданный парик...

Устраивая поднос с бутербродами и чаем рядом с Ириной, Юля спросила ее об этом.

– Парик? Да ты что?! Она парики ненавидела. У нее были шикарные волосы. Она что-то говорила о том, что ей хочется сменить имидж и постричься, но я эти разговоры хорошо знала – дальше них ничего не следовало. Больше того, я даже знаю, откуда ветер дул... Был у нее один человек, он только и мечтал, как бы ее остричь и превратить в мальчишку... Какой-то безумный. Но она не давалась, ей нравились длинные волосы...

– Кто этот человек?

– Один из ее многочисленных поклонников... Так, – она махнула рукой, – все это несерьезно...

Однако по ее виду нетрудно было догадаться, что она только что выболтала чужую тайну.

– Ты должна рассказать мне об этом человеке...

– Я его не знаю... – покраснела она. – И никогда не видела... Это мне сама Зоя рассказывала... давно...

– Все это крайне серьезно, Ира, ты же сама видела... ее кто-то постриг. Или обрил... А что, если это и есть тот самый человек...

Ира зажала рот рукой и замотала головой, давая понять, что ее тошнит от этого разговора.

– Извини, ты ешь, я помолчу... Вернее, я оставлю тебя на несколько минут, мне надо позвонить...

И она, уединившись с телефоном, набрала номер Чайкина.

* * *

Наташа Зима, девушка, помогавшая ей по хозяйству, появилась рано утром в приподнятом настроении. Она с порога защebetала, как птица, наполняя квартиру суетой и рыночными новостями.

– Я не одна, – шепнула ей Юля. – Говори, пожалуйста, потише. Вчера удушили одну женщину. Ее подруга ночевала у меня.

– Господи, какие страсти ты рассказываешь. Ну и дела... А кто удушил?

– Если бы знать...

– Это будет твое первое серьезное дело?

– Посмотрим. А пока приготовь нам завтрак. И еще... Не знаю, как тебе и сказать. Понимаешь, я эту Ирину Званцеву почти не знаю, мы познакомились с ней в поезде. Поэтому, прошу тебя, не своди с нее глаз. Она сейчас еще немного отдохнет или даже поспит, а я за это время успею навестить Лешу Чайкина. Ты себе представить не можешь, как я рада, что он уже вернулся. Он будет вскрывать Зою...

Выпив чашку кофе и мечтая вскоре вернуться домой, чтобы как следует позавтракать, Юля спустилась вниз, добежала до гаража и, ежась от утреннего холода, открыла ворота. Вывела новенький перламутровый «Фольксваген», заперла гараж и помчалась в университетский городок, прямо в морг, к Чайкину.

– Земцова, ты в своем амплуа: где свежий труп, там и ты... – Леша заключил ее в свои братские объятия и закружил по тесной комнатке. – А я еще думаю, кто же первым заглянет на мой тусклый, мертвенно-бледный огонек? Заходи, выпьем, свежатиной закусим...

Юля показала ему кулак и покачала головой.

– Чайкин, ты неисправимый циник. А я надеялась, что на солнышке ты отогреешь свою грешную душу и приедешь домой другим человеком. Как был ты некрофилом, так и остался. Ну, посуди сам: разве может нормальный человек с утра до ночи копаться в трупах?

– Думаю, все мы немножко ненормальные, – улыбнулся Чайкин, и Юля подумала вдруг: как же ей повезло, что у нее есть такой друг, как Лешка, да еще и Игорь...

– Слушай, а ведь Шубину-то я не позвонила. Закружилась совсем. Хотя... – Она закусила в задумчивости губу и пожала плечами: – А что, если бывший муж Зои не захочет оплачивать наши услуги? Пусть сначала все прояснится, а там видно будет...

– Ну вот, ты уже и разговариваешь сама с собой, – покачал головой Леша. – А других ненормальными считаешь. – И тут же, без перехода: – Как вы тутживаете, частные сыщики? Хорошо вам живется без Крымова?

– Нормально, – сухо ответила Юля. – Будто с ним мы не работали, а собирали цветы.

– Ты по поводу этой бритоголовой красотки?

– Чайкин, побойся бога!

– Она изнасилована.

– Этого и следовало ожидать...

– И при этом беременна.

– Беременна?

– Да, беременна. Двенадцать недель. А ведь женщине лет под сорок...

– Сколько? Под сорок? – Перед ее глазами возникло стройное молодое тело и гладкое лицо, обрамленное русыми локонами. «Я бы дала ей лет двадцать восемь».

– Да, ей около сорока, хотя я не ручаюсь... Она действительно хорошо сохранилась.

– Может, мы говорим о разных женщинах?

– Пойдем посмотрим...

В зале было прохладно. Чайкин включил освещение, и Юля увидела в центре стол на колесах. На нем лежало тело Зои.

– Она?

– Да, это она. Но неужели ее изнасиловали? Кто? Ее муж, которому она изменила? Пришел, попытался с ней помириться, а она снова сказала ему какую-нибудь гадость...

– Почему именно гадость?

– Ирина сказала, что Зоя накануне развода спокойно объявила мужу о своей измене. Думаю, не каждый мужчина способен простить такое. Бравировать предательством – что может быть подлее?

– Вот тебе и Зоя. – Чайкин ухмыльнулся. Очевидно, представил себя на месте обманутого Пресецкого. Ему это было нетрудно, поскольку его-то бывшая жена вытворяла и не такое. Ныне она жила в Париже и воспитывала с очередным мужем, теперь уже французом, Лешкиного ребенка...

– Здесь не может быть ошибки?

– Нет. Хрестоматийный половой акт. С элементами насилия, поскольку... вот, взгляни сюда, видишь эти синяки? Они весьма характерны для изнасилования. Собираюсь отправить в лабораторию образец спермы, частички кожи, которую нашел под ногтями этой дамы. Она царапалась, кусалась, взгляни, видишь, вот здесь кровоподтек – она прикусила свою губу. Совсем свежий след от ее же переднего резца. Хотя, – тут он сделал паузу, рассматривая тело. – Синяки от пальцев разного оттенка, и некоторые из них, те, что посветлее, могли появиться раньше на день или два. А вот эти появились недавно...

– Что еще ты можешь мне рассказать о ней?

– Что она не ужинала, только обедала. Курица, рис, яблоки. Еще немного красного вина. Самая малость.

– Ее удушили руками?

– Да. Ты же сама видишь следы от пальцев.

– Снова пальцы? Какие же мерзкие эти пальцы!

– Да, пальцы... Все как по книжке, картинка почти учебная.

Юля содрогнулась, глядя на потемневшие оттиски пальцев на шее Пресецкой.

– Когда наступила смерть?

– Тринадцатого октября приблизительно между девятнадцатью и двадцатью часами.

– Хорошо. Я тебе еще позвоню...

Она вышла из морга весьма озадаченной. Чего-чего, а этого она не ожидала! Оказывалось, Зоя была беременной. Интересно, как отнесется к этой новости Ирочка Званцева?

Она вернулась домой и уже с порога почувствовала запах гренок. Наташа приготовила ее любимый завтрак.

– А Иры нет. Она тебя не дождалась, сказала, ей надо во что бы то ни стало найти Пресецкого. Якобы он должен ей какие-то деньги.

– Пусть ищет. – Юля набрала номер Корнилова. – Виктор Львович? Это Земцова. Мне необходимо побывать на месте преступления. Вы можете мне это устроить?

* * *

С Александром Пресецким она столкнулась в подъезде дома, где жила и была убита его бывшая жена. Он сидел на лестнице, обхватив руками голову. Высокий худой мужчина в помятом, хотя и довольно дорогом плаще. Черный зонт валялся возле его ног. Копна каштановых волос блестела при свете тусклой желтоватой лампы.

Он выдал себя сам. Едва Юля остановилась перед дверью, достала связку ключей с брелоком в виде неровного кусочка малахита, одолженную ей Корниловым, и собиралась открыть дверь, как услышала:

– Впустите меня туда, – взмолился он, тяжело поднимаясь со ступенек и глядя в Юлины глаза с видом раненого зверя. – Впустите. У меня были ключи, но они куда-то подевались... Я их обязательно найду, но сейчас мне необходимо туда войти... Она там, я знаю... Она ждет меня...

– А откуда вы знаете...

– Я знаю, – он не дал ей договорить, – что вы не к соседям, а к ней... Ходите все, вынюхиваете, а потом дело закроете и никого не найдете. Вы не обижайтесь, но именно так все и будет.

– У меня разве на лбу написано, что я из милиции? – поинтересовалась она, хладнокровно отпирая дверь и впуская пока еще незнакомого ей мужчину в маленький коридорчик, тот самый, где еще сегодня ночью толпились любопытный народ и люди в форме. Мысль о том, что ей в затылок дышит убийца, явившийся сюда по глухому смертельному зову своей жертвы, чья душа, быть может, еще витает здесь и поджидает его, вызвала почему-то нервическую ухмылку. Нет, вряд ли он осмелился бы прийти сюда так скоро, да еще среди белого дня.

– На лбу-то не написано, но что-то подсказывает мне, что вы пришли именно по ее душу... Зоя – моя бывшая жена. А вы кто?

– Ирина Званцева вас, значит, еще не нашла... – словно бы про себя пробормотала Юля, вместо того чтобы ответить. – Моя фамилия Земцова. Я из «крымовского» детективного агентства, – сказала она вдруг машинально. – Частный детектив.

– Пресецкий. Александр, – он поймал ее руку и крепко сжал. – Очень приятно. Вы извините, что я принял вас за следователя.

– Вы дурного мнения о них?

– Нет, я очень уважаю милицейских и прокурорских работников, но предпочел бы искать убийцу Зои с помощью людей независимых, для которых сроки – понятие условное. Вы понимаете, о чем я?

Он говорил быстро, отрывисто, старался, чтобы каждое его слово дошло до ее ушей, а тело его при этом стремилось вперед, к опечатанной двери, которую пыталась открыть Юля.

Она резко повернулась и покачала головой:

– Вы извините, Александр, но вам сейчас туда нельзя. Я приехала сюда работать, и вы будете мне мешать. Но раз уж мы с вами встретились, то, может, скажете, собираетесь ли вы искать человека, убившего вашу бывшую жену? У вас есть деньги, чтобы заплатить нам за работу?

– А разве не Бобрищев нанял вас? – услышала она и от неожиданности выронила ключи.

– Бобрищев?

– Я, безусловно, все оплачу, но если вы приехали сюда, как вы сами мне только что сказали, для того чтобы работать, следовательно, вас уже кто-то нанял. Еще вы упомянули Иру. Вот я и подумал, что это она и свела вас с Бобрищевым.

– Но кто такой этот Бобрищев? – Юля сделала вид, что впервые слышит эту фамилию. Зачем ей раскрываться перед Пресецким раньше времени? Пусть сам расскажет, кто такой Бобрищев и кем приходился его бывшей жене.

– Это ее любовник, – мрачно проговорил он, словно давась этим словом. Наконец дверь была открыта.

– Если вы хотите со мной поговорить, то подождите на лестнице. Объясню сразу. Я приехала сюда по просьбе Иры Званцевой. Попробую что-нибудь для вас сделать пока без денег, быть может, официальное расследование уже в ближайшие дни принесет какие-нибудь результаты. Но если пойму, что дело сложное и требует заключения договора, то дам вам знать через Иру.

– Официальное расследование... – усмехнулся Пресецкий. – Как же, найдут они кого... Я буду ждать вас столько, сколько потребуется.

Юля вошла в квартиру, заперлась и только сейчас поняла, как же она рисковала, подпуская к себе так близко Пресецкого. И хотя его поведение казалось логичным и не подпадало под схему поведения преступника, все равно с ним надо быть начеку.

В квартире пахло сигаретами и дождем, врывавшимся вместе с ветром через раскрытую форточку на кухне.

Юля обошла все три комнаты, заглянула в ванную и вернулась в гостиную. Села в кресло и задумалась. Да, если судить по виду квартиры, Зоя вела именно такой образ жизни, о котором ей и рассказывала Ирина. Уютное чистенькое гнездышко, доступное лишь для самых близких людей. Много красивых дорогих безделушек, добротная мебель, ковры ручной работы. Глядя на всю эту роскошь, разве подумаешь, что хозяйка бедствует и зарабатывает себе на пропитание тем, что готовит обеды в какой-то фирме? У Зои Пресецкой водились денежки, чем она, собственно, и вызывала раздражение своей «лучшей» подруги. Но вот каким образом Зое удавалось их добывать, зарабатывать, выуживать, выманивать, одному богу или дьяволу было известно.

Паркет почернел от грязи, нанесенной теми, кто явился сюда ночью засвидетельствовать факт наступления смерти и совершить необходимые действия, связанные с предстоящим расследованием. И неизвестно, когда и кто приведет эту квартиру в порядок. Разве что эту горькую обязанность возьмет на себя бывший муж Зои, тоскующий сейчас на лестнице. А почему бы и нет? Он будет мыть полы, то и дело натыкаясь взглядом на предметы, которые могут иметь отношение к любовникам его бывшей жены. Мужские домашние туфли, темно-синие, вышитые шелковыми нитками. Оброненная кем-то серебряная зажигалка. Возможно, это подарок Зои своему очередному возлюбленному. Или же наоборот.

Юля достала блокнот и записала несколько вопросов, интересовавших ее больше всего.

1. Кто обнаружил труп и вызвал милицию?
2. Алиби Ирины Званцевой, Евгении Холодковой, Александра Пресецкого, Бобрищева.
3. Кому принадлежит парик? Кто его принес?
4. Где инструмент, с помощью которого убийца сбрил волосы Зои?
5. С кем из мужчин она находилась в интимной связи последнее время?
6. Почему в квартире пахнет скипидаром?

Она встала и пошла на запах. Открыла кладовку, нащарила выключатель. Вспыхнул свет, и она увидела узкое помещение, забитое холстами, натянутыми на подрамники. По обеим сторонам тянулись массивные деревянные полки, на них стояли банки с красками и кистями. На полу аккуратно выстроились бутылки с растворителями и, очевидно, скипидаром, запах которого прочно въелся в стены и дверь кладовки. Юля бывала в мастерских художниц и всегда поражалась одному обстоятельству, которое ее как женщину выводило из себя. Это чудовищный беспорядок, возведенный в культ, выдаваемый непосвященным гостям как непреложная истина существования художника. Окна мастерских не мылись. И солнце, пытавшееся осветить развешенные по стенам бессмертные творения этих художниц, высвечивало лишь грязные полы, куда, подражая хозяйке, следовало стряхивать пепел и выплескивать остатки чая, вина или водки. Что касается закуски, чаще всего состоящей из дешевых салатов, то ее заплесневев-

шие остатки можно было увидеть прямо на столе, среди пожелтевших тарелок и замутненных жирными следами пальцев рюмок или стаканов. Вот и получалось, что Зоя с ее сентиментальным порядочком никак не вписывалась в понятие «настоящий художник». Что же касалось непосредственно ее полотен, то Юля лишь скользнула по ним взглядом. Она же не эксперт, и ей трудно определить, насколько эти работы отвечают профессиональным требованиям. Зоя рисовала и получала от этого удовольствие. Вот что было самым главным и не вызывало сомнений. И именно эта деталь придавала ее образу особую трогательность и таинственность. Красивая женщина, окруженная вниманием мужчин и распускающая слухи о том, что она безработная и нуждается, рисует себе спокойно натюрморты и портреты, а потом вдруг погибает от руки злодея. Да еще какого! Который сначала насилует ее, а потом душит. Но ему и этого мало. Убийце зачем-то требуются ее густые красивые волосы, которые он жестоко сбривает, нахлобучив затем на бритый череп своей жертвы парик. Спрашивается, что может стоять за такого рода поступком? Желание унижить женщину даже после смерти? Снова патология психики?

И тут она вспомнила о том, что обнаружил Чайкин в желудке Зои. Юля зашла на кухню и принялась искать рис с курицей и яблоки. Но ничего похожего, даже куриных костей в мусорном ведре, не нашла. Ведро вообще было пустое, зато рядом, в мусорной же кастрюльке под раковиной, оказались человеческие волосы. Но немного, и в основном короткие, какие бывают, когда волосы подравнивают на пару сантиметров. Юля упаковала их в найденный здесь же на кухне пластиковый пакетик. Ее внимание привлекла еще одна деталь, которую она также забрала с собой. Это был крохотный атласный бантик – деталь женского белья.

– Виктор Львович, – звонила она Корнилову, с телефоном возле уха прогуливаясь по квартире, – ее одежду забрали на экспертизу? И был ли элемент насилия со стороны преступника? Проще говоря, она изнасилована?

– Юлечка, ты слишком многого от меня хочешь. Да, безусловно, всю одежду отправили на экспертизу. Что касается изнасилования, то могла бы сама съездить к Леше Чайкину и все у него узнать, раз уж тебе не терпится. Но и он не господин бог, ему тоже требуется время, для того чтобы ответить на этот вопрос.

– Разве он уже вернулся из отпуска? – Она сделала вид, будто ничего не знает, чтобы побольше выудить у него помимо Чайкина. Тем более что на место преступления выезжал не он, а другой судмедэксперт, которого пригласили из мединститута.

– Вернулся.

– Отлично! Но все же... Как позвонить вашему эксперту? Вы не могли бы помочь мне связаться с ним и объяснить ему, кто я и с какой стати буду задавать ему вопросы?

– Без проблем. Перезвони вот по этому телефону минут через десять, а я его предупрежу. Фамилия его – Ежов. Павел Андреевич.

Юля сунула телефон в карман, села в кресло и снова погрузилась в раздумья. Как она сейчас поступит с Пресецким? Заведет с ним душевный разговор о его погибшей жене и в перерывах между его слезоточивыми признаниями будет задавать ему наводящие вопросы? А что, если он пришел сюда, чтобы уничтожить улику, которую не заметили эксперты? Улика. Но может ли существовать такая улика? Может. Среди великого множества вещей, находящихся в квартире, может скрываться и улика. Но что именно? Ножницы!

Юля снова принялась искать и, к своему удивлению, нашла три пары ножниц. Причем одна пара настоящих профессиональных ножниц лежала прямо на столе в спальне. Удивительно, подумала она, как же это их не изъяли, чтобы снять отпечатки пальцев, тем более что жертва была ОСТРИЖЕНА?! Пусть даже убийца пользовался бритвой, но перед тем как обрить голову Зое, ему понадобилось бы сначала отрезать ножницами ее гриву, а уж потом, покрыв ими же волосы длиной от пяти до десяти сантиметров (те самые, которые нашлись в мусорном ведре), приступить к сбриванию.

Ножницы также были упакованы в целлофан и спрятаны в сумку. Что еще мог забыть здесь убийца? Если он умен, то отпечатки пальцев стер. Хотя если он был вхож в дом, то наличие следов его пребывания здесь не представляло для него никакой опасности. Мало ли чего он мог касаться руками?

Спустя некоторое время она позвонила Ежову и задала ему вопросы, связанные с тем, в каком состоянии была обнаружена жертва и какие чисто визуальные наблюдения он успел сделать. Ежов, которого она представила себе почему-то старым, жирным и седым ежом, оказался довольно приятным и словоохотливым собеседником. Дружеским и каким-то даже свойским, доверительным тоном он постарался ответить на все ее вопросы. Из его слов выходило, что Зоя Пресецкая скорее всего была убита человеком, который длительное время находился в квартире и от которого она никак не могла ожидать нападения. Ежов, скромно напомнив о том, что он всего лишь судмедэксперт, обратил ее внимание на тот факт, что уж слишком прибранной выглядела квартира после совершенного здесь убийства. Больше того, именно он заметил, что одежда убитой не валялась, как если бы ее швырнули в порыве борьбы на пол, а лежала аккуратно сложенная на стуле. И сделать это могла, по его мнению, лишь сама хозяйка, то есть Зоя.

– Из этого следует, что женщина либо встретила гостя уже в обнаженном виде, либо разделась в его присутствии и, возможно, легла с ним в постель. Не исключен также половой акт. Но предварительный осмотр показал лишь несколько небольших темных пятен от пальцев на ее бедрах, происхождение которых указывает на то, что сделаны они были скорее всего не в день убийства, а чуть раньше. Что же касается вопроса, не была ли она изнасилована, то мое мнение следующее: вряд ли к ней было применено насилие. Пресецкая была раздета, а потому – вполне допускаю, что имела нормальный половой контакт с мужчиной. Даже ее постель имела такой вид, словно ее готовили к свиданию, то есть чистое, чуть ли не новое дорогое белье, аккуратно уложенные подушки и только слегка смятая простыня... Вы понимаете, о чем я?

– Да, конечно, вы хотите сказать, что она этому мужчине вполне доверяла? И простыня, говорите, была чистая? – Юлия с телефоном прошла в спальню и склонилась над постелью, где погибла Зоя, но вдруг поняла, что рассматривает покрывало, на котором прежде была простыня, поскольку постельное белье было изъято ночью в качестве вещественных доказательств. Так делается всегда, если есть подозрение на изнасилование. Даже наволочки с подушек изымаются.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, например, следы грязи от ботинок, – хмыкнула Юлия, представив себе, как убийца-насильник набрасывается на беззащитную жертву, словно зверь, забыв разуться или даже до конца снять штаны. – Или же если допустить, что он все же разулся, то на простыне могли бы остаться частицы грязи с нижней части брюк... Ведь на улице осень, дождь, кругом грязь. Его одежда могла быть забрызгана грязью. Вы не заметили ничего такого?

– Заметил. Кажется, что-то такое было на простыне... Но это уже не ко мне.

– Да, я поняла...

Она осталась довольна этим разговором. И даже подумала, что и в дальнейшем было бы неплохо поддерживать с этим «старым ежом» если не приятельские, то хотя бы чисто деловые, основанные на взаимном интересе отношения.

«А ведь ее могли изнасиловать ДО ТОГО, как появился убийца». Эта мысль пришла и ушла, как сотни других, не менее абсурдных мыслей, оставив в сознании лишь слабую тень...

Поблагодарив Ежова, она отключила телефон и вышла из квартиры.

– Скажите, Александр, – спросила она сидящего на ступенях Пресецкого прямо в лоб, – зачем вы пришли сюда?

– Не знаю...

Он встал и хлопнул себя руками по бедрам – жест отчаявшегося и обессиленного человека.

– Вы будете надо мной смеяться, если я скажу вам, что мне до сих пор не верится, что Зои нет... Представьте, я приехал сюда затем, чтобы увидеть ее. Мне казалось, стоит позвонить вот в этот самый звонок, как я услышу ее легкие шаги, дверь распахнется, она увидит меня и посмотрит своим насмешливым взглядом... А разве ее сейчас там нет?

– Что у вас торчит из кармана?

– Во всяком случае, не пистолет, это горлышко от бутылки. Вот, смотрите... – и он достал бутылку с остатками водки. – Слаб человек, и ничего тут не попишешь...

– В квартиру я вас не пущу, потому что вы, господин Пресецкий – один из подозреваемых мною. Но мы сможем поговорить с вами в машине, тем более что есть о чем, не так ли? Ведь это вас вчера вечером принимала у себя ваша бывшая жена...

Глава 2

Часам к трем Юля поняла, что превратилась в белку. Рыжую, пушистую и измученную бесполезностью своего головокружительного бесконечного бега в колесе. Пора было останавливаться, выпрыгивать из колеса и браться за ум. И она позвонила Шубину. Пригласила его на обед. А когда он приехал, рассказала ему, как чуть было не начала вести свое расследование по инерции, бесплатно, как заразилась этим преступлением и забылась, не выяснив главного: кто заинтересован в поисках убийцы и, само собой, кто будет платить?

– Но разве сам Пресецкий не заинтересован? – спросил Игорь. – О чем вы говорили с ним в машине?

– Как ни странно, о Бобрищеве. О любовнике Зои. Хотя поначалу я и пыталась взять его на пушку, заявив, что знаю о том, что в тот вечер, когда убили Зою, он был у нее... Но этот номер у меня не прошел. Он ответил мне, что, к великому его сожалению, его там не было... Что, будь он там, Зоя была бы жива. Хотя и алиби на этот вечер у него не было. Говорит, был дома один. Пришлось задавать ему вопросы об их супружеской жизни. Я же не могла не спросить, почему они расстались. И поняла, что Зоя была женщиной искренней, и когда влюблялась, то напрямую объявляла об этом тому, с кем в это время жила. Будь то муж или любовник. Она находилась в поиске, и я хорошо ее понимаю. Очевидно, что-то в Пресецком ее не устраивало. Но что именно, я так и не поняла, да и не наше это, в сущности, дело. Разве мужчина может быть до конца откровенным с посторонним человеком, когда речь идет о такой сфере жизни, как супружеские отношения?

– А женщина бывает до конца откровенной? – улыбнулся Шубин.

– Я не об этом. Просто, если послушать Иру, то получается, что Зоя была чуть ли не шлюхой. Но я бы не хотела говорить об этой женщине, как о нимфоманке. Проведя долгое время в ее квартире, я как будто начала понимать ее. Такое впечатление, словно, познакомившись с ее вещами, которые еще хранили тепло ее рук, я поняла и сущность этой женщины. Я каким-то невероятным образом сблизилась с ней. Ее мысли перетекали в мои.

– Юля, может, хватит мистики?

– Ты, Шубин, грубый человек. И кожа у тебя дубленая. Ты не можешь чувствовать так, как я. Мне почему-то стало очень жаль, что мы прежде не были знакомы с Зоей. По-моему, она была замечательным человеком. И у нас с ней нашлось бы много общего.

– Ты имеешь в виду многочисленных любовников? – словно в подтверждение своей грубости спросил Шубин и покачал головой. – Ты заидеализировала Пресецкую, вот и все. Выброси из головы весь этот мусор и постарайся взглянуть на эту женщину объективно.

– Она жила, как умела. Зоя Пресецкая была настоящей женщиной, и если и был в ее жизни существенный пробел, так это только отсутствие детей. Но она бы восполнила его, если бы осталась жива... Очевидно, она не доверяла до конца Пресецкому и другим своим возлюбленным, раз не хотела иметь от них ребенка. Но месяца три тому назад встретила мужчину, от которого забеременела.

– Думаешь, ее могли убить по этой причине?

– А почему бы нет? Мы ничего не знаем о Бобрищеве. Что, если это он отец ее неродившегося ребенка? Вполне вероятно, что для него эта беременность была нежелательной, и он избавился от своей любовницы.

– И все же, – не унимался Игорь, – что такого особенного ты увидела в ее квартире, чтобы успеть проникнуться к ней? Ведь ЕЕ – то ты увидеть там не могла!

Он явно не верил в мистику и перетекание мыслей.

– Да взять хотя бы ее увлечение живописью, – оживилась Юля, и глаза ее заблестели. – Она рисовала, точнее, писала маслом. У нее полная кладовка холстов. И пусть это все на диле-

тантском уровне – не берусь судить, – все равно это свидетельствует о том, что женщиной она была неординарной, талантливой и обладала хорошим вкусом. Просто ей многие завидовали. Во-первых, ее красоте, во-вторых, ее умению жить хорошо. Мужчины, которыми она себя окружала, не могли не вызвать зависть у той же Ирочки Званцевой, которая хоть и называет себя ее подругой, а все равно наверняка испытывала к ней чувство неприязни и все той же зависти. Слишком многое раздражало ее в Зое... А ее звонок мне среди ночи я отношу к импульсивному поступку. Как я и предполагала, она уже успела сто раз пожалеть о том, что обратилась ко мне. Зачем ей искать кого-то, кто бы мог оплатить наши расходы по ведению расследования, тем более что Зою-то не вернешь. Пресецкий обещал позвонить и даже официально обратиться в наше агентство и оплатить все расходы, но к тому времени, как он заговорил об этом, его бутылка была почти пуста. Надо бы навести о нем справки, хотя... – она вздохнула, – зачем, если дело растворится в воздухе, как десятки подобных...

Года два назад ей казалось, что она любит Шубина. Надежный, добрый и преданный Игорь мог бы стать ей прекрасным мужем, но в последнюю минуту она передумала и снова предпочла полную неопределенность спокойному и крепкому браку. Крымов заполнил ее всю и болел в ней, как опухоль. Даже теперь, когда он был далеко, любое упоминание о нем, даже звук произносимого слова «Крымов» доставляло ей боль. Присутствие же Шубина, ставшего для нее, как ни странно, уже неотъемлемой частью ее жизни, воспринималось ею как милость божья. И если бы не Игорь, неизвестно, нашла бы она в себе силы организовать собственное агентство, да и вообще вряд ли вернулась бы в С., скорее всего осталась бы жить у мамы в Москве. После развода с Харыбиным и выезда из страны Крымова единственным человеком, которого она хотела ощущать рядом с собой, был Шубин. Но если ее вполне устраивала роль его близкого друга, то Шубину этого было мало. Он хотел любви, но, понимая всю сложность ситуации и то, что ей потребуется немало времени для того, чтобы забыть Крымова, скрывал свою неудовлетворенность. Хотя любовь к Юле скрыть было невозможно, да это и не имело смысла.

Невысокого роста, почти лысый, что не портило его и не лишало обаяния, крепкий, с тяжелым пронзительным взглядом, Игорь Шубин в бытность Крымова носил не озвученную никем кличку Раб, поскольку именно ему Крымов поручал самую черную и неблагодарную работу. Это Шубина он отправлял в дальние командировки; это Шубин корпел над пухлыми томами архивных материалов, выискивая по крупницам нужные сведения; это Шубин проводил холодные ночи или мок под дождем, выслеживая потенциальных преступников и фиксируя встречи...

– Игорь, очнись, Наташа спрашивает, что ты будешь: компот или чай, – Юля коснулась руки Шубина и улыбнулась ему. – О чем задумался?

– Не представляю, за что можно было убить такую красивую женщину, – вздохнул он. – Я ведь, если честно, был у Чайкина.

Юля ахнула. А она-то подробно рассказывала ему о своей встрече с Лешей, пусть неосознанно, но все равно стараясь произвести на него впечатление. И что за народ – мужчины?! Такой выдержке можно позавидовать.

– Успокойся, не по этому делу, а просто так заехал, чтобы увидеть его после отпуска. Он-то мне и рассказал о твоём приходе, о Пресецкой. Я подумал вдруг, что если бы убили мужика, я бы палец о палец не ударил, чтобы найти убийцу. Если бы меня, конечно, не наняли. А вот когда лишают жизни женщину, да еще так варварски с ней поступают, словно бы утверждают этим гнусным убийством, вот тут даже у меня кровь закипает. Да мало ли по какой причине она оставила мужа и меняла любовников! Это ее личное дело. Не нравится тебе такая женщина – уйди. Это мое мнение. Не смог удержать ее возле себя, значит, сам виноват. Но убивать

ее, да еще и брить наголо... – возмущался он, лицо его наливалось кровью, – циничнее не придумаешь... А уж когда узнал от него, что она к тому же была беременна...

– Значит, ты решил заняться этим делом?

– Почему бы и нет? Надоело бездельничать. Мы с тобой заработали приличные деньги, выслеживая неверных жен и мужей. Но с ними-то все понятно, они с жиру бесятся. А здесь настоящее преступление, убийство, и убийца на свободе.

– Мне это нравится. Тогда давай набросаем план. Предлагаю начать с самого начала, вернее, пройдемся по пунктам, которые я здесь наметила... – и она принесла свой блокнот. – Итак. Кто первым обнаружил труп и вызвал милицию? Что-то я рассеянная стала. Столько раз звонила Корнилову, а спросить об этом не удосужилась.

– Я могу позвонить сам, – предложил Шубин.

– Тогда звони.

Корнилов сообщил им, что в милицию позвонила соседка Зои, гражданка Коршикова Валентина Яковлевна. Она давала показания, но очень скудные. В девять часов вечера позвонила Зое в дверь, чтобы попросить у нее лука, а та ей не открыла. Она машинально взялась за ручку, и, как это случается в подобных ситуациях, дверь оказалась незапертой. Коршикова вошла в квартиру, позвала соседку, зашла сначала на кухню, затем заглянула в комнаты и в спальне обнаружила Пресецкую, уже мертвую. Никаких подозрительных звуков, криков в этот вечер они с мужем не слышали, хотя живут за стенкой. О Зое Коршикова говорила только самое хорошее, плакала, жалела ее и отзывалась о ней, как о порядочной и очень доброй женщине. «О таких соседях только мечтать можно». Вот так говорила Коршикова. На вопрос Корнилова, приходили ли к Пресецкой мужчины, соседка ответила уклончиво, мол, она женщина была молодая, красивая, и если и приходил к ней кто, то старался делать это незаметно, чтобы не привлекать к себе внимания. «Никакого шума, никаких пьянок, ничего. Все было тихо и прилично».

– Что там у тебя вторым пунктом? Алиби подружек и любовника с мужем? Это будет посложнее, хотя сейчас время играет на них на всех. Пока их не вызвали в прокуратуру, виновные могут успеть обеспечить себе алиби. Тот же Пресецкий, когда проспится и одумается, приложит все силы к тому, чтобы доказать, что он не причастен к убийству бывшей жены. Ирина Званцева тоже позаботится о том, чтобы у нее не было проблем с этим вопросом. А уж Бобрищев если и убил Зою, то при своих возможностях может доказать, что в момент убийства он вообще находился на Северном полюсе.

– Мне сейчас пришла в голову одна мысль... – протянула Юля задумчиво. – А что, если заниматься этим делом очень тихо?..

– Не понял.

– Не посвящая в расследование Корнилова? Тем более что нас никто еще не нанял. Таким образом, Бобрищев или кто-то там, кто причастен к убийству, даже воспользовавшись своими связями в органах, не будет знать, что этим делом занимается наше агентство.

Она знала, что говорила. В городе помнили Крымова и его агентство, и стоит им «засветиться» с этим делом, как информация, осевшая в прокуратуре благодаря тому же Корнилову, просочится по невидимым каналам и дойдет до убийцы. Она не верила, что Зою убил какой-нибудь бродяга или нищий. Скорее всего это любовник. Но поскольку в любовниках у нее были мужчины состоятельные, то вычислить их в масштабе такого города, как С., не так уж и сложно. Они наверняка появлялись вместе в ресторанах, казино или даже театрах (в том случае, если мужчина холостой). Если же он был женат, его все равно могли видеть с ней пусть даже у нее в подъезде, входящим в квартиру, скажем. Свидетелей можно найти, если постараться. Если же ее бывший муж, протрезвев, все же решится и придет к ним в агентство, чтобы они начали частное расследование, тут уж никуда не денешься. Надо будет отрабатывать деньги. Но если он не появится, они будут работать самостоятельно.

– Услышал бы нас сейчас Крымов, – усмехнулась Юля. – Головы бы поотрывал. Заниматься таким делом, да еще и бесплатно! Это не в его стиле.

Она запнулась, подумав: Шубину вряд ли понравится, если она будет постоянно вспоминать Крымова. Хотя Игорю прежде приходилось терпеть от нее и не такое...

– Что у нас дальше? – продолжал между тем он как ни в чем не бывало. – Парик? Париком займись ты, а я возьму на себя Бобрищева, Пресецкого и Званцеву. Постараюсь узнать, где они были вечером 13 октября между семью и восемью вечера.

Шубин встал, похлопал себя по животу и улыбнулся. Он показался Юле необыкновенно спокойным, даже умиротворенным. И дело, конечно, не в обеде. Она была уверена, что причина в другом. Ведь Юля была свободна, не принадлежала никому. Следовательно, у него появился шанс. Или же, во что верилось с трудом, это сладкое выражение на его лице являлось отражением того счастья, которое он получал, просто находясь рядом с ней. Неужели этому Шубину, черт бы его побрал, так мало надо?

– Тебе понравился обед? – спросила она, провожая его до двери.

– Не то слово.

– Тогда скажи спасибо Наташе, – Юля кивнула в сторону двери, ведущей на кухню, где звенела посудой Наташа Зима.

– А я ей уже сказал спасибо, ты просто не заметила, – загадочно ответил Игорь, и вдруг Юля вспыхнула до корней волос. «Наташа?!» Она вспомнила, как покраснела ее домработница, когда услышала, что к ним на обед придет Игорь Шубин. А что, если у них роман?

«Вот и Шубин... Предатель...» – она почувствовала внезапно вспыхнувшую ревность почти физически. Ее бросило в жар, а тело стало словно чужим. «Но почему? Ведь я же его не люблю?!» Неужели каждой женщине необходимо знать, что ее кто-то сильно любит? И если Шубин вдруг женится на Наташе, то что же будет с Юлей? Кто будет питать ее женскую сущность и втайне восхищаться каждым ее взглядом, жестом, улыбкой?.. В тот момент, когда ее захватила эта беспричинная ревность, ей показалось, что она совсем осиротела.

– Пока, – Игорь чмокнул ее в щеку и скрылся за дверью. И впервые ей показалось, что у Шубина холодные губы. Как лед.

* * *

Поговорили и разошлись. А что ей теперь делать? Как вести расследование втайне, если ей понадобился парик? Парик – вещдок. И он лежит в сейфе у Корнилова или – еще лучше! – уже в НИЛСЭ, на экспертизе.

Она снова достала блокнот и принялась вспоминать все места в городе, где можно купить парик. И хотя она не исключала, что парик не новый и запросто мог принадлежать самой Зое (мало ли для каких целей женщина держит в своем доме парик), пройтись по рынку и по магазинам, чтобы увидеть приблизительно такой же, все же стоит. Итак. Два рынка. Один торговый центр. Пять универмагов. Театры!

Она взглянула на свои записи, и у нее опустились руки. Нет, это нереально. Искать человека, купившего на днях парик из русских кудрей?

Она закрыла глаза, чтобы вспомнить, как выглядел этот парик и из каких волос он был сделан: настоящих или искусственных. Скорее всего из искусственных.

Она решила позвонить в НИЛСЭ (научно-исследовательская лаборатория судебной экспертизы) знакомому эксперту Норе, не раз выручавшей ее в подобных случаях. Парик сейчас наверняка у нее. Но потом подумала, что лучше не звонить, а самой прийти в лабораторию.

Она ехала туда на свой страх и риск. Норы там могло и не быть. Да и парик мог лежать в сейфе у другого эксперта. У них же там своя специализация...

Поэтому когда, приоткрыв дверь, она увидела знакомый силуэт, обрадовалась. Нора подняла взгляд от микроскопа и улыбнулась. Сразу же сообразив, что Юля приехала к ней не на чашку кофе, быстро и тихо вышла из лаборатории. Разговор происходил на лестнице, где их не могли подслушать.

– Ты куришь? – спросила Юля, увидев у Норы пачку сигарет. Следом из кармана белого халата появилась и зажигалка. – И давно?

– Да нет, всего с полгода. Все курят, вот и я стала курящей женщиной. Не знаю, как и получилось. Глупо, да? – Она выпустила дым и усмехнулась. – Ты по поводу Пресецкой?

– Да, но расследование будем вести неофициально. И если ты мне понадобишься...

– Да ладно, разберемся как-нибудь. Я же знаю, что Крымов уехал, так что не переживай, я постараюсь сделать для тебя что смогу без всяких денег, все равно занимаемся одним делом.

Юля как бы пропустила ее слова мимо ушей. Она отблагодарит ее, когда придет время.

– Меня интересует парик.

– Понятно. Скажу сразу – он старый. А потому тебе трудно придется. Был бы новый, обошла бы рынки и магазины и нашла, где, кто и когда купил его. Так? Но увы... Парик старый, его носила какая-то пожилая дама. Я провела исследование сохранившихся внутри него настоящих волос, взяла пробу перхоти... Короче, тебе все это неинтересно. Скажу вот что. Женщина, которая носила прежде этот парик, душилась духами «Пиковая дама». Тебе это ни о чем не говорит?

– «Пиковая дама»? Неужели кто-то еще душитя такими духами?

– Думаю, это немолодая дама с устоявшимися вкусами. Парик она носила очень часто, потому что он весь в дырах, короче, изношен предельно. Вот и ищи пожилую даму, почти лысую, которая ни дня не может прожить без парика и на туалетном столике которой стоит флакон духов «Пиковая дама».

– Ну и задачку ты мне задала. Но послушай, Нора, я видела этот парик, когда он был на жертве. Поверь мне, он выглядел как новый.

– Да, действительно. Снаружи он выглядит неплохо... Знаешь что, я его тебе сейчас принесу. Поднимись на один пролет выше, там железная лестница, ведущая в лифтовую шахту, и подожди меня там.

Нора вернулась очень скоро. В руках ее был пакет, из которого она извлекла парик. Да, хозяйка этой потрепанной вещицы была женщина аккуратная, поскольку парик был хорошо расчесан и уложен. Но уже тот факт, что ему было лет пятнадцать-двадцать, свидетельствовал о том, что у этой женщины не было средств, чтобы купить себе новый.

– Ты же должна была увидеть его, чтобы найти ту, кому он принадлежал. Честное слово, не представляю, как ты будешь ее искать.

– Я и сама не знаю. Но парик был на голове Пресецкой. Значит, кто-то его надел, и этот «кто-то» взял его у этой старой дамы. Все, я посмотрела, понюхала... – Юля вдохнула и отвернулась, после чего неожиданно чихнула. – А что с остальными вещами? Простыня, например, или наволочки?

– На простыне след от ботинка, но очень слабый. Частицы грязи, по которым невозможно установить, где именно она налипла на подошву. Мы же не волшебники. Обычная городская грязь с микрочастицами бензина и машинного масла. Перед любым домом можно найти лужицу с таким маслом, сама понимаешь. Но есть в этих частицах и еще кое-что очень интересное, над чем мы бьемся с самого утра. Это биологически активное вещество, происхождение которого нам пока неизвестно. Возможно, это растение, сок которого сохранился на подошве и был занесен на постель во время борьбы...

– Борьба... В том-то и дело, что все указывает на то, что никакой борьбы не было. Якобы Пресецкая ждала этого мужчину, постелила ему эту самую постель, разделась, спала с ним...

– Да, на простынке были пятна спермы, но ими сейчас занимается Вера. Я сообщу тебе группу и все, что мне удастся узнать об этих пятнах. Ты же хочешь сопоставить их с теми образцами, которые нам должен прислать на экспертизу Чайкин?

– Конечно.

– Я не следователь и не имею права высказывать свою точку зрения, но, Юля, ведь если Пресецкая ждала этого мужчину и доверяла ему настолько, что разделась и легла с ним с постель, так, может, вовсе и не он убийца?

– Нора, ничего не знаю. Ни одной зацепки, кроме этого парика. А как я могу найти ту, которой он принадлежал? Словно тупик какой...

– Начни с «Пиковой дамы». Обратись на парфюмерный склад какого-нибудь большого универмага, где люди разбираются в таких вопросах. И спроси у них, кто и когда заказывал эти редкие духи. Уверена, таких магазинов наберется не так уж много. Сейчас, когда все полки завалены польскими и французскими духами, мало кто пользуется «Пиковой дамой».

– Что ж, это идея. Спасибо. Ой, чуть не забыла, я тут тебе еще кое-что принесла, – и Юля достала пакеты с волосами и ножницами, которые взяла в квартире Зои. – Меня интересуют отпечатки пальцев на ножницах. И еще: ты не могла бы определить, каким образом были острижены или сбриты волосы? Машинкой или лезвием?..

Из машины она позвонила Ире Званцевой. Трубку долго не брали, потом сработал автоответчик, и Юля оставила сообщение с просьбой перезвонить ей на сотовый. И почти сразу же ей позвонила Наташа Зима.

– Тебе звонил какой-то Бобрищев. Он хочет с тобой встретиться, запиши номер его телефона... – и Наташа продиктовала.

– А Ира не появлялась? Не звонила?

– Нет. Я почки разморозила. Если хочешь, приготовлю, как в прошлый раз, в сухарях.

– Надо было бы тебе разморозить мозги. Глядишь, и мои бы лучше заработали, – вздохнула Юля. – Что-то у меня ничего не клеится. Вместо того чтобы гнаться по свежим кровавым следам убийцы, приходится возиться с грязным вонючим париком, который носила какая-то старушенция. Ты, кстати, не знаешь, где продают духи «Пиковая дама»?

– Знаю. На Сенном рынке. На первом этаже, где торгуют дешевым мылом и тельняшками. Там есть такой маленький отдел, по-моему, от военторга. «Пиковая дама»... Надо же что вспомнила! Позвони туда, чтобы времени не тратить, спроси, может, там их уже и нет. Хочешь, я найду тебе по справочнику номер телефона?

– Думаешь, эти духи сегодня нарасхват?

– Если они дешевле тройного одеколona или денатурата, то, может, и нарасхват. Алкоголики – народ непряхотливый...

– Ладно, давай свой телефон...

* * *

Юля связалась с Шубиным и сказала, что на встречу с Бобрищевым поедет сама, раз уж он ей позвонил. Шубин к тому времени успел увидеть Пресецкого у него в квартире – мертвецки пьяного. Ни о каком разговоре с ним не могло идти и речи. Мыча и обливаясь слезами, бывший муж Зои, разбуженный Игорем, стал метаться по квартире в поисках пистолета, чтобы застрелить «убийцу Бобрищева».

– Что, вот так прямо и сказал? – удивилась Юля. – Но почему?

– Да разве ж можно разговаривать с пьяным?

– А откуда у него пистолет?

– Да газовый. Он чуть меня не отключил.

– А как у него дома? Он что, пьющий?

– Я бы не сказал. Дома у него нормально. Много книг, все довольно пристойно, чисто. Но сам он пьяный в лоскуты. Видать, никак не может прийти в себя после ее смерти. И винит Бобрищева. Называет его подонком, убийцей, а еще несет какую-то ахинею насчет разбитых красок и разорванных холстов. Я так понял, что Бобрищев не давал твоей Зое рисовать, разбивал банки с красками, портил холсты и называл ее рисунки мазней. Знаешь, я тут подумал, что Зоя даже после развода могла поддерживать со своим бывшим мужем нормальные человеческие отношения. Вполне возможно, она в порыве откровенности пожаловалась ему, как дурно с ней обращается Бобрищев. Это я к тому, что, когда будешь с ним разговаривать, попытайся выяснить, так ли это было на самом деле. Да и вообще будь предельно осторожной и даже возьми пистолет. А лучше будет, если мы поедем к нему вместе.

– Нет, Игорь, не обижайся, но думаю, что больше пользы будет, если я все же поеду одна. Попытаюсь поговорить с ним по душам. Может, между ним и Зоей был какой-нибудь конфликт из-за ее рисования, и она, как человек легкоранимый, раздула его, такое бывает... А ты не спрашивал у Пресецкого, Бобрищев женат?

– Нет, он не женат и никогда не женится. Так я понял, во всяком случае, из его слов. А что у тебя с париком? Ничего не удалось узнать?

– Игорь, мы же виделись с тобой каких-нибудь полтора часа назад...

– Значит, ничего не узнала.

– Узнала. – И она рассказала ему о своей встрече с Норой.

– Если хочешь, я сам могу съездить в военторг, на основную базу и спросить там по поводу этих духов.

– Было бы неплохо.

Она отключила телефон и попыталась представить себе, как должен выглядеть Бобрищев. Высокий, крепкий, краснощекий, холеный, с непременно красивым породистым лицом и ослепительной улыбкой. Вечный холостяк, хозяин жизни, сильный самец, преуспевающий бизнесмен, сволочь. Приблизительно так.

Она позвонила ему, и они условились встретиться через полчаса возле фонтана в самом центре города. Приятный бархатный голос Бобрищева начал околдовывать ее еще по телефону. Когда же она увидела его, в белом плаще, прохаживающимся перед фонтаном, освещенным холодным полуденным солнцем, то поняла, почему Зоя бросила ради него своего прежнего возлюбленного. Это был Крымов в квадрате по части мужской красоты и привлекательности. Оставалось выяснить, обладает ли он таким же изощренным умом и полетом фантазии, как Крымов...

Щеки у Бобрищева оказались на самом деле розовыми, а глаза, мерцающие за толстыми тяжелыми веками, источали страсть. Тонкие губы придавали лицу слегка наглое выражение, выдавая чуть ли не природную жестокость. От такого человека можно было ожидать чего угодно. Мужчина с такой яркой внешностью умеет страстно любить и ненавидеть. С ним приходится постоянно держаться в напряжении и терпеть его тяжелый характер. Хотя эта же внешность может иметь и обратную сторону – тщательно скрываемую уязвимость, мягкость души и желание быть любимым. Юлия смутилась, когда он, склонив голову набок, взял ее руку в свою и поцеловал. Жест, покоряющий современную женщину и обезоруживающий ее.

– Николай, – представился он и предложил Юле сесть рядом с ним на скамейку. – Вы – лицо в городе известное. Юлия Земцова. Подруга Крымова. Как он там, кстати?

Она вместо ответа лишь дольше положенного посмотрела ему в глаза, пытаясь прочесть его истинные чувства, заставившие его позвонить ей. Он решил не дожидаться приглашения в прокуратуру и явиться сам перед Земцовой, чтобы поскорее оказаться введенным в курс дела? Либо же он собирается попросить Земцову заняться поисками убийцы его бывшей любовницы?

– Не отвечаете? Ну и правильно. Это не так уж и важно, учитывая то, зачем мы с вами встретились. Убили Зою, мою хорошую знакомую. И поскольку я человек ей не чужой и располагаю кое-какими средствами, мне бы хотелось, чтобы вы лично занялись расследованием этого дела. У Зои не могло быть врагов в принципе. Это примите к сведению. И если ее кто и убил, то либо по недоразумению, либо в порыве ревности. Мне знакомо это чувство именно применительно к ней. Я любил эту женщину и никогда не скрывал своих чувств. Не скрою, у нас с ней не все было гладко, и мало найдется мужчин, которые вытерпели бы от нее унижения, каким она подвергала меня, но несомненно одно – она была замечательной женщиной и не заслужила такой ужасной смерти. А потому я хотел бы своими глазами увидеть эту гадину, удушившую Зою. Вы видите эти руки? – Он показал Юле большие, сильные кулаки. – Я намерен вот этими руками лишить его жизни.

И тут произошло невероятное. Этот красавец мужчина, которым только что любовалась Юля, прямо на глазах превратился в большого несчастного ребенка. Он, обхватив голову этими же сильными и большими руками, поросшими жесткими рыжеватыми волосками, разрыдался в голос. Когда он поднял к ней мокрое от слез лицо, она поняла, что он не рисуется. Что он настолько потрясен смертью своей любовницы, что вполне способен на убийство. И что он позвонил ей и пришел сюда, чтобы она помогла ему найти того, кто должен умереть уже от его руки. Он намерен мстить.

– Если бы вы были знакомы с ней, то не стали бы задавать мне множество вопросов, которые накопились у вас. Зоя – существо трогательное, нежное. Но в этом-то и заключалась ее сила, привлекавшая к ней мужчин. Она не держала меня, и я это знал. Как знал и то, что она может бросить меня в любой день. А это, согласитесь, неприятное чувство. Оно саднящее, болезненное, оно разъедает любовь изнутри. Но ради другого чувства – что ты пока находишься рядом с ней, и живешь дальше, дышишь, надеешься. Думаю, примерно такие же чувства испытывал к ней и Александр. Я уважаю этого мужчину, потому что у него куда больше терпения, чем у меня.

– Но почему она могла бросить вас в любой день?

– Потому что ее настроение менялось от слишком многих факторов, чтобы можно было увидеть в ней нечто постоянное. Она была постоянна лишь в своей красоте. Даже если она поднималась утром с постели и волосы ее были растрепаны, это все равно было прекрасно, вы понимаете? Но в это же утро она могла превратиться в волчицу, которой хочется закусить свежим мясом. И она начинала говорить о расставании как единственном способе сохранить теплые отношения.

– Вы уходили от нее?

– Да. Три раза. Но всякий раз возвращался.

– О каком мужчине она мечтала?

– Понятия не имею. Думаю, ей нужен был тиран... Но это я сейчас так думаю, а тогда тираном была она. Она тиранила всех, кто любил ее. И основным ее оружием было как раз проявление ее нелюбви к мужчине.

Он не умел говорить, этот Бобрищев. Но Юля его поняла. Зоя, по всей видимости, искала любовь, но так и не нашла ее. А если и нашла, то совсем недавно. И у нее был мужчина, которого она любила и от которого у нее должен был родиться ребенок. Кто этот мужчина?

– Вы не предлагали ей выйти за вас замуж?

– Предлагал. Даже купил ей обручальное кольцо. Но она постоянно откладывала день свадьбы.

– Объясняла причину?

– Да. Говорила, что еще не готова. Что ей нужно подумать. Но больше всего меня бесило, когда она, вместо того чтобы заниматься мной, бралась за свои дурацкие холсты и краски. В доме становилось невозможно дышать. Запах скипидара убивал меня...

– У вас что, аллергия?

– Да! Да, если хотите знать! Аллергия на ее дурацкие выходки! Она изводила меня этим. Представьте себе, я приезжаю вечером к ней. После тяжелого дня. Я не требую от нее ужина или чистых носков, я не идиот какой. Я жду от нее ласки, нежного взгляда, а она меня не замечает. Размазывает краску по холсту, как варенье, и делает вид, что не видит меня. Не слышит. Не чувствует. Она единственная так себя со мной вела. До этого я встречался с Ирой, ее подругой. Это другая женщина. По ней можно ходить в кирзовых сапогах, и она будет от этого счастлива. И я привык к этому. Я же немолод, я видел много женщин, и они успели избаловать меня.

Он словно бы хотел сказать этим: видите, как я с вами откровенен.

«Мужское самолюбие – разверстая пропасть, куда летят все принципы, надежды, привычки...»

– Вы имеете в виду Иру Званцеву?

– Да. Уверен, вы с ней уже встречались и перемывали мне кости.

– Это она позвонила мне в ночь убийства и попросила заняться этим расследованием. Она была в шоке. Мне пришлось даже взять ее к себе, чтобы привести в чувство и уложить спать. Мы познакомились с ней в поезде... – ответила она, опередив его готовый сорваться с языка вопрос, давно ли они знакомы и в каких находятся отношениях. – Она звонила вам?

– Нет. Я узнал о смерти Зои совершенно из другого источника. Я знаю многих людей из прокуратуры. Да и в милиции у меня есть связи. Но Ира мне не звонила, нет. Она до сих пор злится на меня, простить не может, что я ушел от нее к Зое. Но, встречаясь с Зоей, я иногда ночевал у Иры. Знаете, как иногда бывает...

Она попыталась вспомнить, что о нем говорила ей Ира. На вопрос, кто такой Бобрищев, она ответила: «Мужчина. Ему за пятьдесят, но он очень спортивен, прекрасно выглядит, у него своя фирма по производству безалкогольных напитков. Мы с Женькой думали, что Николай – тот, кто Зое и нужен. Но она почему-то к нему быстро охладела. По ее словам, он был грубоват с ней, ругался матом, не признавал и не принимал ее увлечений...»

Значит ли это, что Зоя сама рассказывала своим подругам о Бобрищеве или других мужчинах? Ведь если послушать Иру, то Зоя была «раковиной-беззубкой», с одной стороны. А с другой, откуда же тогда Ира могла знать об ее отношениях с Николаем Бобрищевым? Уж не от самого ли Николая, который плакался ей в ночную рубашку, когда наезжал к ней в перерывах между свиданиями с Зоей? Подруги...

Ей претило, что Бобрищев с такой легкостью выворачивался перед ней наизнанку, рассказывая о том, что спал с обеими подругами. Настоящий мужчина, в ее представлении, не должен был вести себя так непорядочно, хотя бы из уважения к оставшейся в живых Ирине Званцевой. Цинично звучит, но зато верно. Ведь Ирине еще строить свою личную жизнь. А если Бобрищев будет каждому встречному рассказывать о своей связи с Ирой, то к чему это может привести?

– Скажите, Николай, зачем вы мне рассказываете о своих любовных похождениях?

– Вас это раздражает?

– Безусловно. Вы словно хотите заполнить брешь в вашем уязвленном самолюбии, которую проделала Зоя... Но ее уже нет в живых... Не проще было бы простить ее?

– Может, вы и правы. Но я же должен был вам объяснить причину нашего с Зоей разрыва, чтобы меня хотя бы не подозревали в ее убийстве.

– А разве вас подозревают?

– Не знаю, это я так, на всякий случай. Тем более что у меня нет алиби. В то время, когда с ней это произошло, я был дома один, и никто это не сможет подтвердить.

Это признание удивило Юлю еще больше. Да уж, Бобрищев был поистине непредсказуемым. И если он – убийца, то либо чрезвычайно умен и предусмотрителен, либо – полный болван.

– Значит, алиби у вас нет?

– Нет. Разумеется, мне не составило бы труда его организовать, но мне бы хотелось направить свою энергию на поиски настоящего убийцы. Поэтому я вам, собственно, и позвонил.

– Послушайте, Николай. Я пока не знаю, кто убил вашу подругу, но если вы действительно хотите найти убийцу, то помогите мне найти мужчину, с которым она начала встречаться месяца три тому назад. Подключите своих общих знакомых. Может, Зоя видела с каким-нибудь мужчиной. Вы ничего не можете сказать по этому поводу?

– Понятия не имею.

– Хорошо. Тогда вы, быть может, знаете, с кем или к кому она уезжала в Москву?

– Про Москву я слышал опять же от Иры, но она не знает, с кем Зоя уезжала или к кому... Но это было давно, кажется, весной.

– А в какой фирме работала Зоя? Вы же знаете, что она готовила где-то обеды?

– В моей фирме... В одном из филиалов.

– Как называется эта фирма, и не могли бы вы назвать номер ее телефона?

– Пожалуйста. Фирма называется «Эдельвейс», телефон там 26-58-83.

– Как она оказалась там? Зое понадобились деньги, и она обратилась к вам за помощью?

– Почти. Я узнал, что ей нужны деньги, и попросил одного человека позвонить ей и пригласить поработать в фирму. Думаю, она догадывалась, кто ее устроил. Тем более что однажды я не выдержал и, когда был в сильном подпитии, сам позвонил ей и предложил деньги. Помнится, я был груб с ней, кричал в трубку, что она дура и что нельзя так относиться к мужчинам, если она хочет нормально жить. Но она бросила трубку. И я бы даже не назвал это гордостью. Упрямство. Принципы. С ней невозможно было ни о чем договориться.

– И как долго она там проработала?

– С неделю, не больше.

Юля не знала, о чем еще разговаривать с ним. Он страдал, жаждал мести, но помочь ничем не мог. Разве что деньгами. Она спросила его об этом.

– Я готов тотчас же заключить договор и заплатить, сколько потребуется. Больше того, я бы хотел, чтобы вы использовали меня, если это возможно. У меня большие связи, и я готов помогать.

– Тогда есть смысл поехать сейчас в агентство и уладить все формальности.

– Юля, я весь в вашем распоряжении... – развел он руками, поднимаясь и всем своим видом показывая готовность исполнить любое ее желание. – Вот вам моя визитка, даже две, одну передайте Игорю Шубину...

«Вот если бы убили меня, – вдруг подумала она, – как вел бы себя Крымов?» И поняла, что никак. Для начала напился бы, затем все свалил на Шубина, а сам принялся волочиться за очередной юбкой. И от этих мыслей ей стало так грустно, что она даже позавидовала Зое, вокруг которой все постепенно приходило в движение, а ее образ с каждой минутой приобретал новые светлые краски, грозя превратиться в нимб...

* * *

Вечером к ней приехал с новостями Шубин. Он весь так и светился. Но прежде чем дать ему выговориться, Юля рассказала ему о своей встрече с Бобрищевым и о том, что теперь у них есть официальная работа и деньги – пять тысяч долларов аванса.

– Да, хорошая новость, ничего не скажешь... С моей не сравнится. Но все равно послушай. Значит, так. «Пиковую даму» отправили по ракетным точкам, по всей области. У меня

есть список райцентров, где эти духи можно встретить не только на военных складах, но и в обычных магазинах. Духи эти очень дешевые, поэтому лучше всего распространяются в сельской местности!

Шубин прямо-таки сиял.

– А откуда столько радости? – не поняла Юля. – Ты предлагаешь мне отправиться в путешествие за «Пиковой дамой»?

– Необязательно. Я бы мог, используя свои связи, навести справки, кто именно там покупает эти духи постоянно. Свяжемся с местной милицией и все узнаем.

– Игорь, ты это серьезно?

Она не верила в успех «Пиковой дамы». Эти духи могли употреблять сотни женщин, живущих где угодно. Преступник мог приехать сюда из какого-нибудь Хабаровска или Челябинска, предварительно украв парик у своей престарелой родственницы или соседки. Или же сорвав его с головы соседки по купе. Да где угодно убийца мог позаимствовать этот парик!

– За сведения, конечно, спасибо, но мне все-таки кажется, что поиски хозяйки этого парика нам ничего не дадут. По-моему, сначала надо попытаться понять, ЗАЧЕМ убийце понадобилось брить наголо свою жертву. Вот если мы поймем это, тогда уже будет проще составить его психологический портрет. Зная ее окружение, будет нетрудно вычислить убийцу. Ты же сам учил меня, что не нужно держаться одной версии, надо бы еще несколько держать про запас. К тому же «Пиковая дама» – это лишь запах духов, а не отпечатки пальцев. Убийца мог нарочно залить парик этими духами, чтобы отвлечь нас от других запахов... Но пока предлагаю остановиться все же на том, зачем преступнику понадобилось обрезать волосы Пресецкой. Что он хотел этим сказать? Ну не из золота же они были сделаны...

– Ты уже думала над этим?

– Думала. Но ничего, кроме уязвленного самолюбия, в голову не приходит.

– А при чем здесь самолюбие?

– Думаю, Зоя отвергла какого-то мужчину, который не смог ей это простить. Судя по тому, что она предстала перед убийцей в чем мать родила, она либо уже была его любовницей, либо собиралась ею стать. Иначе объяснить ее внешний вид нельзя. Разве что мужчина был доктором, перед которым она разделась, чтобы тот ее осмотрел. Но пока отбросим эту мысль. Итак, она собиралась его соблазнить или же делала вид, что соблазняет его. Разве ее отказ в такой ситуации не мог нанести мужчине смертельную обиду? Представь: Зоя приглашает мужчину к себе домой, встречает его либо в нижнем белье, либо обнаженная, провоцирует его на определенные действия, а когда тот бросается к ней, обуреваемый страстью, дает ему от ворот поворот. Вот что бы ты, Игорь, сделал на его месте?

– Оделся и ушел. Мне не нравятся такие игры. Это во-первых. А во-вторых, чтобы так поступить с женщиной, у нее должна была быть причина. Нормальная женщина так не сделала бы. И тут мне кажется, что картинка, которую набросала ты, не совсем соответствует истинному положению вещей. Смотри. Она была раздета. В квартире отсутствуют следы борьбы, так? А что, если она ждала одного мужчину, а пришел другой?

– Как это?

– Очень просто. Она, как ты говоришь, действительно пригласила мужчину к себе домой, постелила постель, приготовилась, возможно, даже разделась, а когда в условленный час раздался звонок, кинулась к двери и, не посмотрев в «глазок»... Кстати, там есть «глазок»?

– Кажется, да...

– ... кинулась к двери и, не посмотрев предварительно в «глазок», распахнула дверь и увидела совсем не того, кого собиралась увидеть. Ее первая реакция?

– Она бы оделась.

– Правильно. Возможно, так оно и было. Она накинула халат, впустила нежданного гостя, они прошли в спальню и...

– Леша утверждает, что она в тот вечер имела половой контакт с мужчиной. Значит, он либо изнасиловал ее и убил, либо они сначала переспали, а потом случилось нечто, что вывело мужчину из себя, и он удушил ее. Но что такого могло произойти?

– Возможно, она сказала ему что-то, толкнувшее его на убийство.

– Объявила о своем новом любовнике? Но вряд ли из-за этого ее убили. Разве что она сообщила ему о своей беременности... Но тогда это более чем странная реакция... Хотя, если мужчина был женат...

Ей вдруг показалось, что она снова заняла место белки, мчащейся вперед, навстречу бессмысленности и усталости. Перебирая лапками по ускользающей дорожке, далеко ли она продвинется в своем колесе?

Юля трянула головой и поднялась. Она так явственно представила себе сейчас живую Зою Пресецкую и даже тень мужчины, который набросился на нее, чтобы сдавить руками ее хрупкое, податливое горло, что у нее самой перехватило дыхание...

В какое-то мгновение ей показалось, что она замужем за Игорем. Что они сейчас поговорят, все обсудят, затем спокойно поужинают жареной картошкой и лягут спать. В квартире было тихо, шум дождя за окном придавал этому вечеру тоскливую нотку. Выйти замуж за Игоря? А почему бы и нет? Он нежный, ласковый, у него крепкие руки, сильное и тяжелое тело. И зачем ей было выходить замуж за Харьбина и уступать по первому требованию Крымову, когда рядом был мужчина, способный сделать ее по-настоящему счастливой? Неужели глупость стала ее хронической и неизлечимой болезнью? Разве страсть – единственное и непреклонное условие заключения брака? Ведь жизнь уже столько раз доказывала обратное...

Она несколько мгновений не сводила с Шубина глаз, обдумывая возникший только что в ее голове отчаянный план, не имеющий, кстати, ничего общего с ее мыслями об их совместном будущем, после чего вдруг сказала, захлебываясь от собственной дерзости:

– Игорь, тебе не кажется, что мы могли бы провести этот вечер как-то иначе, более интересно, чем разговаривая об убийстве этой несчастной женщины? У меня есть отличное вино, закуска. Я купила новый диск, там классический джаз... На улице идет дождь. Ты не хочешь, чтобы я зажгла свечи и устроила романтический ужин на двоих?

И, не дожидаясь ответа и даже стараясь не глядеть на ошарашенного (иначе и быть не могло!) Шубина, она скрылась у себя в спальне, переоделась и вышла оттуда в красном открытом платье. Не давая своему гостю опомниться, неожиданно села ему на колени, поцеловала прямо в губы и, вдруг выскользнув из его объятий, снова исчезла на кухне. Вернулась оттуда с хрустальным бокалом, заполненным зеленым воском.

– Тебе нравится? Это такая свеча, я сама придумала, – сказала она и зажгла свечу. Погасила свет и снова вышла из комнаты. А спустя несколько минут вернулась с вином и сыром.

Шубин смотрел на нее, не отрывая глаз. Ему не верилось, что он сидит за столом рядом с ней, и пламя свечи, отражаясь в зеленом озере из расплавленного воска, освещает только их лица. Что рядом нет никого...

Он разлил вино, они выпили. Затем она подошла к нему, склонилась совсем низко, так, чтобы ее губы касались его губ, и поцеловала его долгим, изнуряющим поцелуем. Он коснулся руками ее бедер, крепко обнял ее и усадил к себе на колени.

«Подожди», – услышал он словно в тумане и увидел, как она снимает с себя платье. Через голову. Извиваясь всем телом. А под платьем – ничего...

Погасла свеча. Должно быть, это она задула ее. Игорь встал, нашел в темноте трепещущее теплое тонкое тело, и в эту самую минуту услышал:

– Не хотела тебе говорить... но я завтра уезжаю... Постарайся понять меня... Ты же знаешь, как я отношусь к тебе. Но он уже в Москве, он ждет меня... Игорь, у нас с тобой только этот вечер... Обними меня...

Шубин, как парализованный, стоял посреди комнаты в полной темноте и не мог пошевелиться. У него отнялась речь. И то, что произошло в следующую минуту, он потом не сможет объяснить.

Каким-то невероятным образом в его руке оказался стул, точнее, его ножка. Горькое и вместе с тем сладостное мгновение – и стул летит в синий прямоугольник окна, в дождь, в ночь, в бездну боли и обид...

Звон разбитого стекла, женский крик и налетевший ветер еще долго будут преследовать его распыленное сознание...

Вспыхнул свет. Юля в своем красном платье пыталась выдернуть из окна стул. Большие острые осколки стекла падали к ее ногам и разбивались на более мелкие.

Лицо ее при этом было спокойно. Казалось, она нисколько не удивилась тому, что произошло. Ее мягкое и нежное «извини» прозвучало дико, неестественно.

– Игорь, ты прости меня, пожалуйста. Это была игра. Я хотела представить себе, что произошло на квартире Пресецкой, когда она объявила своему гостю, что у нее есть другой мужчина. И все получилось, – сказала она просто, словно и не чувствуя вины.

– Что получилось? – прошептал, не веря своим ушам, Шубин. – Ты бы хотела, чтобы я набросился на тебя и задушил? Ты в своем уме?

– Нет. Просто я рассчитала все верно. Если уж ты, человек-камень, не выдержал и запустил стулом в окно, и это при том, что я не давала тебе никаких обещаний и у нас вообще дружеские, деловые отношения, то можно себе представить, что бы ты сделал, будь я твоей любовницей... Или потенциальной женой. А что тогда говорить о других, более впечатлительных и ранимых мужчинах?

Говоря это, она куда-то звонила. И вид при этом у нее был крайне невозмутимый и деловой. С таким лицом звонят в справочную, чтобы узнать номер телефона аптеки или прачечной. Шубин смотрел на нее, качая головой. Он еще не понял, радоваться ему или нет. С одной стороны, получалось, что она разыграла его, чтобы проверить свою психологическую версию. С другой, что никто ее в Москве не ждет и это лишь спектакль, который ему надо как можно скорее забыть. Но окно-то ведь разбито!

– Куда ты звонишь? – глухо спросил он и с трудом глотнул.

– Дворнику, он живет в соседнем подъезде. Если он дома, то я попрошу его вставить стекла прямо сейчас. Раньше в дворницкой была стекольная мастерская, – объясняла она как ни в чем не бывало, – но стекольщик спился и умер. Так что стекла там много, на это окно хватит.

Он должен был уйти. Немедленно. Хлопнуть дверью так, чтобы дворнику пришлось не только вставлять стекла, но и чинить дверь. Но не мог. Хотя и не знал, о чем она думает в данную минуту.

«Если он сейчас уйдет, то все останется по-прежнему. А если останется, то уже завтра переедет ко мне...»

– Что-то никто трубку не берет, – она покачала головой, словно только это и занимало ее больше всего в эту минуту. – Вот черт, как холодно-то стало... Шубин, не ожидала от тебя такой экспрессии!

Она положила трубку, и в это время раздался звонок.

– Слушаю...

– Моя фамилия Холодкова, – услышала она хриловатый и какой-то бесполой голос. – Я бы хотела встретиться с вами. Лучше всего завтра в десять часов. Вы сможете?

«Холодкова. Да это же подруга Зои и Ирины».

– Хорошо. Подъезжайте на Абрамовскую, в агентство. Вы по поводу Зои?

– Да... – сдавленным голосом ответила Холодкова, и Юля сразу представила себе ее: высокая, худенькая, коротко стриженная, в мужской одежде.

– Договорились. Вы, кстати, не видели Иру Званцеву?

– Нет, но это она звонила мне. Может, мы приедем вместе. Всего хорошего.

Чувствовалось, что Холодкова только что узнала о смерти подруги и не могла долго говорить из-за подступивших слез.

– Это подруга Пресецкой, – сказала Юля, обращаясь к застывшему в дверях Шубину. – Завтра подъедет в агентство. Знаешь, по – моему, самое главное – это вычислить ее последнего мужчину. Я имею в виду Зою. Ты еще злишься на меня?

– Значит, ты надевала это красное платье, чтобы сыграть со мной в игру? – спросил Игорь, хватая ее за руку и притягивая к себе. – Отвечай.

Красное платье шилось для Крымова, как и все остальные платья и юбки. Все в этой квартире делалось в угоду Крымову. Но его не было. Был Шубин, который должен был ненавидеть это платье. И это вино, и эту зеленую свечу, и этот сыр. Это был нежный и похожий на масло швейцарский сыр, который любил Крымов. И который теперь продолжала любить Юля.

Она заплакала. Никогда ей еще не было так одиноко и холодно.

Шубин стянул с дивана плед, укутал ее и сунул ей в руки телефон:

– Если тебе так плохо, позвони ему. Не мучайся, – сказал он не своим голосом. – Но ведь так нельзя, пойми ты.

Он не мог больше говорить. Встал, прислонился к стене, скрестив на груди руки, и закрыл глаза. А что еще он мог сказать, глядя, как человек мучается? Крымов не женат, он свободен, как и она. И он тоже любит ее. Так зачем же страдать, если существуют тысячи километров телефонных проводов, которые служат людям как раз для таких экстренных случаев...

Он слышал, как она набирает номер. Содрогаясь всем телом и хлюпая, как какая-нибудь девчонка. Никакого желания скрыть переполнявшие ее чувства. Он стиснул кулаки. А представив, как сейчас далеко отсюда, в своей парижской квартире Крымов берет трубку и, оторвавшись от очередной любовницы, воркует с Земцовой, вливая ей в уши капля за каплей мед любовного красноречия, не выдержал и ушел на кухню. Там закурил.

– Он сейчас придет... – услышал он вскоре ее плачущий голос. – Говорит, с собакой гулял, поэтому его телефон не отвечал.

Оказывается, это она обращалась к нему, Шубину, говоря о дворнике, до которого она все же дозвонилась и который сейчас придет, чтобы вставить стекла. И Шубин подумал, что ему в сердце тоже не мешало бы вставить выбитые стекла – надежду. Вот только где взять такого дворника?..

Глава 3

К трем часам ночи она совершенно забыла о существовании мертвого тела, которое еще недавно было Зоей Пресецкой. Лежа в постели с Шубиным и чувствуя под щекой его упругое и надежное плечо, Юлия думала о том, как удивительно приятно находиться в такую непогоду в объятиях мужчины, зная, что он – почти твоя собственность. Как купленный недавно диван или одеяло. И какое счастье, что он не видит ее мыслей... Она улыбнулась и еще глубже зарылась в складки теплого одеяла.

Дворник пришел, несмотря на поздний час, вставил стекла и даже убрал осколки. Чего не сделаешь за деньги.

А когда он ушел, они допили вино и доели сыр. Вечер плавно перешел в ночь, распахивая перед ними невидимые ворота чувственной любви. И даже если бы в ту минуту, когда Шубин любил ее, раздался характерный звонок... издали, она бы не взяла трубку. От любви любви не ищут.

Молчаливый Шубин говорил ей о своих чувствах губами, руками и всем телом. В отличие от Крымова, который заговорил бы ее до утра, убеждая, что он – единственный мужчина в ее жизни.

– Ты знаешь, у Бобрищева нет алиби, – сказала Юлия утром, когда они пили кофе на кухне. – Он сам мне об этом сказал. Или он настолько уверен, что выкрутится, что сам лезет нам в глаза, мол, вот я, никуда не делся и ничего не боюсь. Или он действительно не имеет никакого отношения к убийству Зои.

– Помнишь, ты рассказывала, что Пресецкая ела курицу? Надо бы выяснить, где и с кем она обедала, и были ли у нее в тот день вообще какие-нибудь встречи.

– Послушай, ведь она могла пообедать в фирме, где работала! И как это я раньше об этом не подумала?

Она позвонила Бобрищеву и попросила номер телефона любого сотрудника этой фирмы, который в столь ранний час мог бы ей ответить на некоторые вопросы, связанные с Зоей. Бобрищев с готовностью выполнил ее просьбу, после чего добавил:

– Я тут кое-что вспомнил... Про волосы. Вы, наверное, слышали, что у Зои были чудесные, густые волосы. Просто сказка! Так вот, Ира, для которой Зоина шевелюра являлась предметом зависти, постоянно твердила ей, что ей не помешало бы сменить прическу, то есть имидж, ну и всякое такое... Женщины же постоянно меняют что-то в своей внешности. Вот и Ира пыталась вбить Зое в голову, что ей стоит постричься. Вы, конечно, будете смеяться, но чем черт не шутит... А что, если к этому убийству приложила руку сама Ира?

Юлия от такого предположения похолодела. Она и сама допускала, что Ира могла иметь отношение к убийству Зои из-за ревности, тем более что и мужчина, которого делили две подруги, так быстро нашелся. Но чтобы сам Бобрищев подозревал Иру?..

– Вы серьезно?

– А почему бы и нет? Женщина – существо непредсказуемое. Ира злилась на меня, но любила. Поэтому меня оставила в живых. А вот подружку свою удушила. Возможно, не своими руками. Да сейчас за небольшие деньги можно нанять какого-нибудь алкоголика, чтобы тот удавил незащищенную женщину.

– Но согласитесь, что для убийства у Иры было маловато оснований... Ревность. Она же не была вашей женой, стало быть, приняла ваши правила игры. Или я что-то не так поняла?

– Все так, да не так. Но разговор о волосах был. И не раз. Ира и мне говорила, что Зое куда лучше было бы с короткой стрижкой. Она и мастера ей порекомендовала.

– Хорошо, я подумаю над этим сюжетом... Хотя мне он кажется фантастическим. То есть нереальным.

И вдруг Бобрищев, помедлив немного, устало вздохнул:

– И вы мне поверили? Да? Поверили? Вас так легко одурачить? Или вы совсем в людях не разбираетесь?

Юля почувствовала, как к щекам ее прилила кровь: он просто издевается над ней!

– Звоните, если вспомните еще что-нибудь... – сухо проговорила она, уже собираясь прервать разговор, как вдруг вспомнила то, о чем еще не успела спросить: – Кстати, вы не знаете, почему у Зои не было детей?

– Да потому что она сама как ребенок! – воскликнул Бобрищев. – Сама не знает, что хочет от жизни...

Он говорил о ней так, словно она чем-то сильно досадила ему. Пусть даже своей смертью. Но тем не менее говорил о ней, как о живой. В настоящем времени.

– В принципе она могла иметь детей. И даже мечтала об этом. Но я не входил в число мужчин, с которыми она говорила на эту тему откровенно. Я подозреваю даже, что она была беременна от меня этой весной. Допускаю, что она ни в какую Москву не ездила, а лежала в больнице после операции. Но это только догадки. Ира тоже молчит как рыба. Они все трое молчат...

«Видать, он хорошо знает эту троицу», – подумала Юля.

Они вежливо распрощались, после чего Юля сразу же позвонила некоему Стасу, менеджеру из фирмы «Эдельвейс», чей номер телефона ей сообщил Бобрищев. Она рассчитывала обойтись телефонным разговором, но Стас оказался человеком серьезным. Он настоял на встрече, и Юля пообещала ему после завтрака заехать в «Эдельвейс», чтобы поговорить о Зое.

– Он прав. На такие темы по телефону не говорят. Не думаю, что он ограничится позавчерашним меню... Он явно хочет мне что-то рассказать.

И Шубин, который надеялся провести это утро почти так же, как и вторую половину ночи, вздохнул, не желая выпускать Юлю из рук.

– Обещай мне, что сегодня вечером мы обойдемся без битья стекол, – он зарылся головой в ее теплые душистые волосы, – и что ты будешь...

– ... такой же покладистой дурой? – рассмеялась она. – Ладно, обещаю, но что касается стекол, то здесь я ни при чем. Это же ты запустил стулом в окно или забыл?

– Забыл.

– Тем лучше. Подстрахуй меня в агентстве, я могу опоздать. Встретишь Холодкову с подружкой в десять, договорились?

* * *

Стас, молодой светловолосый мужчина, явно поджидал ее и встретил прямо в дверях офиса. В большой комнате, заставленной столами, на которых громоздились компьютеры, он был один.

– Еще рано, – объяснил он. – Народ позже приходит. Знаете, я ждал, что кто-нибудь придет к нам и станет задавать вопросы, связанные с убийством Пресецкой, но никто не пришел... Это ужасно! Я не могу поверить, что ее больше нет... Такая милая женщина. Когда она к нам только устроилась, я не мог понять, куда смотрят мужчины, которые постоянно вьются вокруг нее. Разве можно допускать, чтобы такая красивая женщина работала. Да еще кем? Поваром!

– О каких мужчинах идет речь? Кто вокруг нее вился?

– Не знаю... Ей постоянно кто-то звонил, за ней приходили, ее куда-то увозили и привозили. Она приезжала со свиданий в приподнятом настроении и возвращалась к своим кастрюлькам. У нее была своя комнатка. Небольшая, но там есть все что нужно. Если хотите, я вам ее покажу.

И он повел Юлю в дальнюю комнату, которая служила кухней и столовой одновременно.

– Видите, этот стол. На нем она резала овощи, вон плита. Вытяжка, все, как полагается. Зоя хоть и проработала мало, но ее здесь долго будут помнить. И знаете почему? Потому что она не похожа была на женщину, готовящую обеды. Слишком шикарна для такой работы. Кроме того, она хорошо готовила.

– Скажите, а с чего вы взяли, что она ходила или ездила на свидания?

– Не знаю. Сказал, и все. Может, потому, что она красивая. Один раз, когда здесь никого, кроме нее, не было, я и сам начал приставать к ней. Честное слово! И ничуть не жалею о том, что произошло...

– А что произошло?

– Она отвесила мне оплеуху и сказала, что в следующий раз подмешает мне в суп какую-нибудь отраву, чтобы одним нахалом на земле стало меньше.

– Прямо так и сказала?

– Да, прямо так и сказала. Но не зло, а как-то весело. Знаете, она вообще была вся веселая, легкая, но при этом чувствовалось, что она очень умная и хорошо разбирается в жизни. Вот есть люди, которые всегда знают, как им поступить в той или иной ситуации. Такие люди необходимы, потому что лично я часто не знаю, как мне быть... А вот у нее, как мне кажется, таких проблем не было. Она с каждым человеком умела находить общий язык, старалась никого не раздражать, особенно женщин. Ведь у нас женщины много о себе мнят. Высокого о себе мнения, я бы так сказал. Вероятно, это оттого, что фирма крепко стоит на ногах и получают все наши сотрудники довольно прилично. Наши женщины – не чета американским. Если те бегут на работу в кроссовках и переобуваются в лифте, то наши будут и по камням идти на шпильках... Вы понимаете, о чем я?

– Зоя Пресецкая тоже была НЕ АМЕРИКАНСКОЙ женщиной? – улыбнулась Юля, с интересом выслушивая мнение молодого человека о женщинах. – Или же она все-таки чем-то отличалась от остальных ваших сотрудниц?

– Вроде бы она была как все. Но, с другой стороны, отличалась, конечно. Вот к примеру. Она – повар. Готовит, накрывает на стол и моет посуду. Значит, она должна и одеваться соответственно, ведь так? Она и одевалась, да только ее одежда выглядела куда стильнее, чем у наших девушек-менеджеров. Она была более женственной, что ли... Мне трудно об этом говорить. Но все мужчины на нашем этаже выходили в коридор покурить, если там появлялась Зоя.

– А что она делала в коридоре?

– Курила, разговаривала с теми, кто к ней приезжал.

– Вы видели хотя бы одного мужчину, с которым она разговаривала в коридоре? – У Юли кончалось терпение. Если этот Стас и дальше будет говорить о красоте и стильности Зои, то разговора не получится. Похоже, он на самом деле был неравнодушен к ней.

– Видел, конечно. Его все видели. Его невозможно было не увидеть, поскольку это был наш шеф... – и Стас покраснел.

Вон оно что?! Бобрищев приезжал в офис, чтобы поговорить с Зоей.

– Бобрищев?

– Да, но они не скрывали своих отношений. И мы все думали, что они находятся в ссоре, отсюда и эта смешная поварская должность, и смешной оклад... Думаю, она таким образом чего-то добивалась от него. Но это все мои домыслы. Да и не только мои.

– А еще кто-нибудь к ней приезжал?

– Кажется, бывший муж. Я так и не понял, в каких отношениях он был со своей бывшей женой. И вообще все выглядело, как фарс. Каждый у нас понимал, что Зоя не на своем месте, и все ждали развязки... Думали, Бобрищев женится на ней. И тут вдруг такое...

– А еще кого-нибудь, кроме Пресецкого и Бобрищева, вы рядом с Зоей видели?

– Спрашивал ее тут недавно один мужчина, но она разговаривала с ним недолго.

– Они говорили в коридоре?

– Да, курили на лестнице, как все.

– Вы не могли бы описать этого человека?

– Описать этого мужика? – Стас даже скривил лицо, вспоминая Зоино собеседника. – Тяжелый случай... Дело в том, что если Бобрищев – мужчина видный, яркий и даже красивый, то этот – полная противоположность.

– Возраст?

– Ему за пятьдесят. Маленький, шуплый, какой-то серый, невзрачный, одет небрежно, хотя в костюме и при галстук. Как бомж, который приоделся для важной встречи.

– Бомж? Это интересно. Вы не слышали, о чем они говорили?

– Нет, я не имею привычки подслушивать.

– Но хотя бы выражение ее лица вы видели? Ведь вы находились где-то рядом, раз видели, как они курили на лестнице.

– Мне показалось, она разговаривает с ним из вежливости, чтобы только отвязаться. Она и смотрела куда-то в сторону, пока слушала его. А потом кивнула головой, пожалала плечами и вернулась к себе. Налить вам кофе?

Через полчаса в комнате уже началась работа. Засветились экраны компьютеров, заработали принтеры и факс, на столиках появились чашки с кофе. Только теперь, когда Зои не стало, каждый сам наливал себе кофе из кофеварки. Юля так и не поняла, чем же конкретно занималась фирма «Эдельвейс», но если судить по обрывкам телефонных разговоров, то поставками какого-то сырья для фруктовых напитков.

Пять девушек-менеджеров были по очереди опрошены Юлей в той самой кухне, где еще недавно хозяйничала Зоя Пресецкая. На множество самых разных вопросов, которые Юля им задавала, девушки отвечали односложно и без энтузиазма, в отличие от словоохотливого и импульсивного Стаса, из чего можно было сделать вывод, что они в душе будто даже рады, что в их офисе больше никогда не появится эта привлекательная, красивая женщина. Хотя у Юли возникли и другие подозрения, касающиеся интеллектуального уровня этих раскрашенных и нарядно одетых созданий, – уж больно примитивными они ей показались в роли собеседниц. Однако некоторая польза от этих разговоров все же была. Так, выяснилось, что позавчера никакой курицы и риса, а тем более яблок в меню не было. Зоя приготовила овощное рагу и селедку под шубой. Значит, курицу она не ела ни дома, ни на работе, но тогда где и, главное, с кем? Вряд ли она, приготовив еду для работников «Эдельвейса», сама отправилась обедать в кафе или ресторан. Это абсурд. Если, конечно, ее не пригласил на обед один из ее поклонников. Пусть даже встреча происходила у него дома, где он и угостил ее курицей, вином и яблоками. Кто этот человек? Предполагаемый убийца или мужчина, с которым у Зои были серьезные отношения и от которого она собиралась родить ребенка? Едва ли это тот шуплый мужичок в потертом костюмчике, который приходил к ней сюда. Одна из девушек сказала, что после разговора с ним Зоя много курила, а потом позвонила какой-то Ирине и сказала, что «плохи наши дела».

– Вы ничего не спутали? Она так и сказала: «Плохи наши дела»?

– Может, я слова переставила, не знаю, но смысл примерно такой. Я еще подумала тогда, что этот человек что-то знает или она должна ему деньги.

– Они говорили о деньгах?

– Нет, но я почему-то так подумала.

Положительно, с этими девушками невозможно было разговаривать. Выходило, что из любопытства они постоянно держали Зою в поле своего зрения, однако когда речь заходила о каких-то конкретных вещах, касающихся ее встреч с кем-то или услышанных обрывков разговоров, то получалось, что они ничего не видели, не слышали и вообще ничего не знают. Вероятно, сказывалось, что каждая из них держалась за свое место: ведь Зоя встречалась с их

шефом, с Бобрищевым, и сказать об этом означало озвучить сплетню. Вот они и молчали, не желая усложнять себе жизнь.

Но почему одна из девушек подумала, что этот мужичок требовал у Зои денег? Быть может, она сделала такой вывод, потому что слышала разговор Зои с Бобрищевым о деньгах? Он сам говорил, что часто бывал несдержанным и устраивал своей строптивой любовнице головомойки, убеждая ее не позорить его и бросить работу. Деньги. Не похоже было, чтобы у Зои не было денег. Ей достаточно было продать любую серебряную безделушку или что-нибудь из драгоценностей, чтобы решить денежную проблему. Оклад повара в «Эдельвейсе» уж точно не спас бы ее от финансового краха. А уж если она действительно вляпалась в какую-нибудь историю, где понадобилась крупная сумма, то вряд ли она отказалась от помощи самого Бобрищева. Не тот случай. Вот и получалось, что в «Эдельвейс» она устроилась, чтобы насолить бывшему любовнику. Из гордости. Из каприза. Чтобы что-то доказать. Но это ее личное дело и никого, кроме нее и Бобрищева, не касается.

Юля спросила, не слышал ли кто о том, что Зоя собирается сделать себе стрижку.

– Да, – ответили ей, – она собиралась постричься, но никак не могла решиться. Мы ей даже давали примерить парик с короткими волосами. Она надела его и помолодела лет на десять.

– А где она собиралась стричься?

– Она сказала, у нее есть свой мастер. Мы живо обсуждали этот вопрос, потому что уж больно жалко было отрезать такие волосы... Спрашивали ее, что она собирается делать с отрезанными волосами, а она рассмеялась и сказала, что продаст их за тысячу долларов. Вот и все.

Юля очень осторожно расспрашивала девушек, не тошнило ли Зою и не говорила ли она о беременности. На этот вопрос никто ничего не ответил. Стало ясно, что Зоя скрывала свою беременность.

После всего услышанного Юле захотелось увидеться с подругами Пресецкой, чтобы окончательно выяснить, с кем именно встречалась Зоя в последнее время, с кем могла пообедать в день убийства, зачем ей понадобилось устраиваться поваром в «Эдельвейс» и кем мог приходиться ей мужчина в потертом костюме. Она посмотрела на часы – Игорь уже наверняка беседует в агентстве с Холодковой и Званцевой. Она попрощалась с сотрудниками «Эдельвейса», вышла на крыльцо и вдохнула холодного воздуха. Было свежо, пахло опавшими листьями и почему-то снегом, которого не было... Приятный сладковатый арбузно-январский запах. «Скоро зима...»

* * *

Евгения Холодкова была вся в черном. Осунувшееся бледное лицо, большие запавшие глаза и тонкая полоска темно-красных губ. Аромат незнакомых духов, трансформируясь в воздухе и смешиваясь с каким-то другим запахом, возможно, кофе, превратился в довольно неприятный жирный и лекарственный дух. «Кусочек льда и рассудка» – вспомнились Юле слова Иры о подруге.

Женя оказалась еще более некрасивой, чем Юля предполагала. Таким женщинам-подросткам ничего другого не остается, как устраиваться в жизни самостоятельно – мужчины не видят в них женщин, не хотят их, а потому на них не распространяются их щедроты. Непонятно только, как могли ладить Зоя и Женя, два антипода. При всем уме и таланте казаться счастливой Холодкова не могла не завидовать Зое. А Ира говорила, что «Женька обожает Зою».

– Вы не знаете, когда можно будет забрать Зою из морга?

Это был первый вопрос, который Холодкова задала Юле. Она действительно была деловой женщиной, и практическая сторона события, приведшего ее в частное сыскное агентство, интересовала ее не меньше, чем постигшее горе.

– Вы сможете забрать тело лишь после того, как будет проведена судебная медицинская экспертиза. Вам известно, как погибла ваша подруга?

– Ира сказала, что ее удушили. – Холодкова промокнула платком уголки глаз и высморкалась. – Не могу поверить, что ее нет. И пока не увижу ее, пока не... Я могу увидеть ее? Отвезите меня, пожалуйста, в морг. Может, это не она?

– Вы хотите ее увидеть?

– Да, хочу. Я должна, потому что у нее никого, кроме нас с Ирой, не было.

Эта просьба оказалась для Юли неожиданной. Она поймала такой же недоумевающий взгляд Шубина, застывшего с банкой кофе в руках.

– Я могу вас туда отвезти. Но сначала ответьте мне: вы кого-нибудь подозреваете?

– Конечно, – почти выкрикнула она и тряхнула головой, отбрасывая волосы назад, как человек, предупреждающий окружающих о том, что он готов к любой неожиданности, к любому испытанию. Чисто мужское движение. И Юля только сейчас заметила, что, несмотря на коротко стриженную челку и торчащие в разные стороны вихры у висков, остальные волосы у Жени были длинные, стянутые на затылке в узел. Странная, ни на что не похожая прическа, свидетельствующая о том, что внешность в жизни этой женщины носит условный характер.

– И кого же?

– У нее был только один враг, и он этого не скрывал. Я говорю о Бобрищеве. Это он убил ее, я уверена в этом. Это не человек, а дьявол! Когда вы увидите его, – говорила она с жаром, брызгая слюной, – то подумаете, что он – само совершенство. Да, он обаятельный мужчина, ничего не скажешь. У него прекрасные манеры, приятный голос, он умеет говорить с женщинами. Но при всем этом он – негодяй, каких мало. Ведь вы же были в квартире Зои, вы же видели ее работы... Согласитесь, она была одаренным человеком. И пусть нам так и не удалось устроить ни одной ее выставки, а некоторые умники считают ее кустарем, все равно он не имел права так поступать...

– Вы имеете в виду его отношение к ее занятиям живописью? – не в силах скрыть иронии усмехнулась Юля. Ей уже поднадоела эта история нелюбви Бобрищева к Зоинуму искусству. – Неужели вы действительно верите, будто его настолько нервировало то обстоятельство, что ваша приятельница рисовала, что он решил положить этому конец, удушив свою бывшую возлюбленную?

– Вы напрасно защищаете Бобрищева. – Женя сощурила глаза и хмыкнула. – Или вы тоже успели попасть под его обаяние? – И, не дав Юле опомниться, добавила: – Между прочим, она не была его бывшей, как вы выразились, возлюбленной. Он не переставал любить ее, но вместе с тем и ненавидел за то, что она бросила его.

– Да что же это за женщина такая, которая разбрасывается такими мужчинами, как Бобрищев? – не выдержала Юля. – Да, вы правы, я попала под его обаяние, он действительно произвел на меня хорошее впечатление, но если бы вы слышали, с какой горечью говорил он о том, как с ним обошлась Зоя. Скажите, Женя, каким человеком была ваша подруга? Что она искала в жизни? Кого по-настоящему любила?

– Да никого она не любила, в том-то и дело. Я часто слышала от нее, что она не знает, что такое настоящая любовь. Она ни к одному мужчине не испытывала страсти. Если вы встречались с Ирой Званцевой, то наверняка слышали от нее, что у Зои было много любовников. Да, это так. Но это были скорее друзья, покровители, но не любовники. Она никого не любила и страдала от этого.

– Значит, ее в мужчинах интересовали только деньги?

– Даже не знаю... Скорее всего ей нравился тот образ жизни, который она вела, эта праздничная атмосфера свиданий с цветами и шампанским, восхищенные взгляды мужчин. Каждой женщине нравится, когда ею восхищаются. Но мужчины приходили и уходили, а она оставалась одна, наедине со своим холодным сердцем. Вы понимаете, о чем я?

– Отсутствие страсти.

– Правильно.

– Скажите, Женя, а что вам известно о последнем ее увлечении?

– Последнем? А кого вы имеете в виду?

– Не знаю... Дело в том, что месяца три назад Зоя встречалась с мужчиной, которого, возможно, любила. У нее, судя по всему, был таинственный воздыхатель. Любовник, поклонник, назовите, как хотите, которого она, возможно, даже скрывала. Вы тоже будете об этом молчать как рыба?

– Вы хотите сказать, как Ира? – Она улыбнулась. – Нет, я не знаю, о ком вы говорите. У нее долгое время был Бобрищев, и если она изредка встречалась с другими мужчинами, то это могли быть просто люди, с которыми она поддерживала дружеские или даже деловые отношения. С их помощью, кстати, она время от времени пыталась устроиться на работу. Это я точно знаю.

– Но что это за мужчины? Вы знаете их фамилии? Где они работают?

– Конечно, нет. Ведь это мужчины Зои, и этим все сказано. Она никогда не бравировала своими любовниками, в отличие от других... Знаете ведь, что некоторые женщины даже выдумывают себе мужчин, играют сами с собой в обманные игры... Блефуют, одним словом. Так вот: Зоя была не из таких.

– Хорошо, тогда поговорим о работе. Ей действительно нужна была эта работа? Я имею в виду фирму «Эдельвейс».

– Да бросьте! Вы же прекрасно понимаете, ей не настолько были нужны деньги, чтобы она развила такую бурную деятельность по поиску работы. Это все делалось назло Бобрищеву, чтобы досадить ему: мол, посмотри, я могу сама содержать себя...

– А почему он не женился на ней?

– Этого никто не знает. Понимаете, в наше время, когда людям так трудно живется, а вокруг дороговизна и безработица, бредни Зои о том, что она устала жить без любви, воспринимаются по меньшей мере как рисовка. Я вот тоже, к примеру, живу без любви. Совсем одна. Но ничего, не жалею, хотя, в отличие от Зои, мне приходилось самой зарабатывать на жизнь. Я рисковала, закладывала однокомнатную квартиру, чтобы на эти деньги издать свою первую газету. И мне никто не помогал. Все, чего я добилась в жизни, далось мне трудом и здоровьем.

Вот и Женя Холодкова выплеснула наружу свою неприязнь к Зое. И это лучшие подруги?

– Из ваших слов выходит, что Зоя была несчастна.

– Все относительно. Это с ее слов выходило, что она несчастна, но я бы не отказалась от такого НЕСЧАСТЬЯ...

Она все же сказала это. И густо покраснела. Юле даже стало неловко оттого, что она выбила из этой бизнес-леди порцию зависти, смешанной чуть ли не с ненавистью. И как это Зоя могла дружить с Ирой и Женей, не чувствуя фальши в их отношениях? Или же она догадывалась о том, как относятся к ней ее «лучшие» подруги? Но тогда что же связывало этих трех женщин, если не теплые чувства? К тому же и Ира говорила, что Женя не раз выручала своих подруг деньгами.

– Женя, это правда, что вы давали Зое деньги?

Холодкова как-то странно посмотрела на Юлю, и глаза ее стали наполняться слезами.

– Вы думаете, наверно, что я чудовище, что я завидовала Зое и даже ненавидела ее, но это неправда! – Она почти выкрикнула последнее слово. – Но разве я виновата, что природа не наградила меня так же щедро, как ее?! И разве могла я знать, что красота – это пропуск в совершенно другой мир, мир богатых мужчин и наслаждений, который никогда не будет принадлежать мне...

– Вы не правы...

– Да нет, я-то как раз права. А хотите, я скажу вам, о чем вы сейчас думаете? Вам не дает покоя один вопрос: что меня притягивало к Зое, ведь так? Я отвечу. Предельно откровенно. Сама Зоя. И именно ее красота. Знаете, это как покупаешь красивую вещь и ставишь у себя в комнате на видное место. Вот так и Зоя была для меня источником вдохновения. Я была счастлива тем, что могла в любое время приехать к ней, увидеть ее и насладиться ее несчастьем. Мысль о том, что эта женщина доступна мне, что я могу подсмотреть все ее женские тайны, приводила меня в восторг.

– О каких тайнах вы говорите?

– Понимаете, Зоя на людях и Зоя домашняя – это две разные Зои. Так вот, я знала ее разную, чувствовала ее слабые места и, прекрасно зная о ее уязвимости, становилась сильнее сама. Вы вот сейчас смотрите на меня и думаете, наверно, что я – самая настоящая мымра. Как в «Служебном романе». Но вы ошибаетесь. Это я сегодня такая неприбранная. А так-то я слежу за собой. Рядом с Зоей всегда хочется выглядеть лучше, чище, что ли. Ира тоже говорила мне, что после встреч с Зоей ей хочется сшить новое платье или купить духи, помаду... В этом плане она действовала на нас благотворно.

Юля слушала ее и чувствовала, что самого главного она еще не знает. И вдруг до нее дошел смысл всего сказанного Холодковой. Разбились розовые очки, и все вокруг стало серым и пошлым. Особенно Холодкова с ее шитой белыми нитками хитростью.

– Женя, вот вы сейчас говорили о красоте, о том, что вам было приятно иметь у себя в подругах очень красивую женщину. Не означает ли это, что есть одно существенное обстоятельство, которое позволило вам приблизиться к Зое?.. Скажите, как вы с ней познакомились? Ведь вы же сами подошли к ней, как подошли бы в магазине к красивой и дорогой вещи, и каким-то образом расплатились за счастье обладать ею...

Женя некоторое время молчала, подбирая слова, чтобы и себя не унижить, и не осквернить память подруги. Потом, вздохнув, призналась:

– Да, конечно. Чего уж там... Я сама подошла к ней и познакомилась. Она была с Ирой. Знаете, такие женщины предпочитают иметь в подругах либо некрасивых, либо невезучих. Так вот, невезучая у Зои уже была. Ира. На ее фоне Зоина жизнь была похожа на сказку. А тут появилась я. Некрасивая, зато с деньгами. Вы правы, сначала у нас с ней не было ничего общего. Меня-то сжигало любопытство, желание узнать, как живут такие женщины, как Зоя, чем они привлекают мужчин. Я даже стала покупать такие же духи, как у нее, ходила в те же парикмахерские и старалась быть хотя бы немного похожей внешне на нее. Но вот что давало ей мое присутствие, я долго не могла понять. А когда поняла, было уже поздно...

– Деньги?

– Безусловно.

«Выходит, Женя покупала общение Зои за деньги. Что ж, они были заинтересованы друг в друге... А почему бы и нет?»

– ...Она всегда могла взять у меня в долг. А это не так уж и мало. Становится легче жить, когда знаешь, что есть человек, который всегда примчится к тебе на помощь. Я повторюсь, но в жизни так и бывает: мужчины приходят и уходят, а подруги остаются. И когда Зоя болела, скажем, гриппом, а болела она очень тяжело, с осложнениями, она хотела видеть только нас с Ирой. Мужчины для нее переставали существовать. И даже с домашними животными она бы, мне кажется, обращалась нежнее, чем со своими любовниками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.